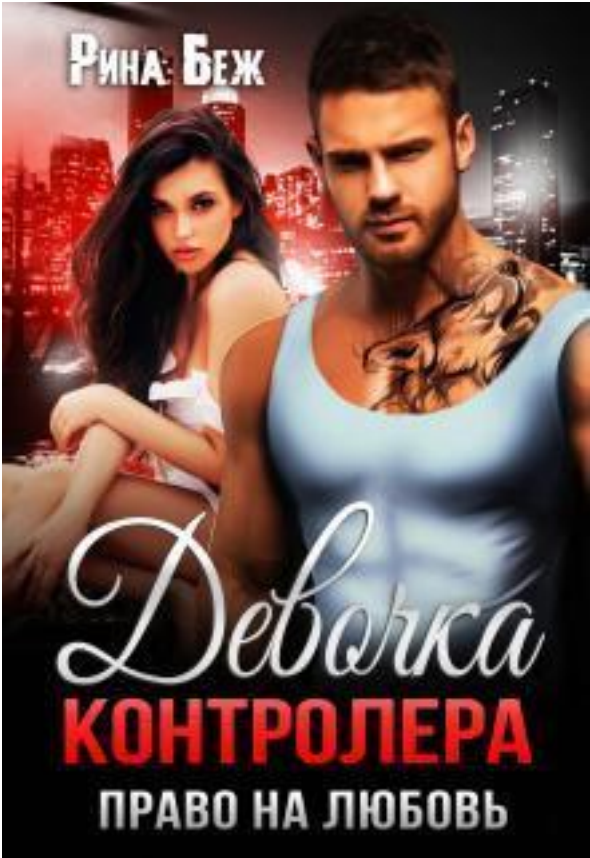

The book cover features a man and a woman in a romantic pose against a city skyline at night. The man, in the foreground, has a tattoo on his shoulder and is wearing a light blue tank top. The woman, behind him, has long dark hair and is wearing a white dress. The background is a vibrant red-tinted cityscape with illuminated buildings.

РИНА БЕЖ

Девочка
КОНТРОЛЕРА
ПРАВО НА ЛЮБОВЬ

Рина Беж

Девочка контролёра.

Право на любовь

<https://litres.ru/74206823>

Аннотация

♥#Меня зовут Лина Эванс, я – человек. И я – одна из восьми присяжных заседателей в деле против организаторов подпольного клуба для людей и двуликих. Я, как и все мои коллеги, знаю, что происходит с девушками, попавшими в лапы монстров, и голосую за самое жестокое их наказание. Однако, преступники выходят на свободу, а на меня открывается охота... *** Он придет ниоткуда, когда я почти сдамся. Чтобы помочь, чтобы спасти, чтобы научить жить сначала. Контролёр. Двуликий. Мой.

✓#Однотомник. Третья книга цикла про оборотней. 1. "Потерянная пара альфы" 2. "Вернуть истинную" 3. "Девочка контролера" 4. "Ошибка оборотня" 5. "Лишняя" 6. "Истинная пара. Проклятию вопреки"

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	36
Глава 6	46
Глава 7	54
Глава 8	63
Глава 9	72
Глава 10	87
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Глава 1

Меня зовут Лина Эванс, я – человек. И я – одна из восьми присяжных заседателей в деле против организаторов подпольного клуба для двуликих. Я, как и все мои коллеги, знаю, что происходит с девушками, попавшими в лапы монстров, и голосую за самое жестокое их наказание.

Однако, преступники выходят на свободу, а на меня открывается охота...

Он придет ниоткуда, когда я почти сдамся.

Чтобы помочь, чтобы спасти, чтобы научить жить сначала.

Контролёр. Двуликий. Мой.

##Однотомник. Третья книга цикла про оборотней.

ЛИНА

– Прошу всех встать. Суд идет. Председательствует его честь судья Вайнер Шот, – монотонно, напоминая робота, вещает секретарь. А в это время старичок лет семидесяти шустрой походкой пересекает зал и занимает полагающееся ему место судьи. – Слушается дело «Штат Айваго про-

тив Сильвера Багза и Гарридо Багза». Ответчикам вменяется в вину организация, создание и осуществление деятельности подпольного клуба, в котором удерживались против воли и подвергались насилию более десятка молодых девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет.

– Одиннадцать секс-рабынь, одиннадцать беззащитных девушек, над которыми издевались настолько жестоко и изощренно, что даже спустя несколько месяцев ни одна не смогла вернуться к нормальной жизни. Трое стали постоянными клиентками психоневрологического диспенсера, а две дурочки покончили жизнь самоубийством, – шепчу себе под нос, с ненавистью взирая на двух мерзавцев, развалившихся королями на скамье подсудимых.

Эти нелюди сидят и смотрят на окружающих так расслабленно, надменно и самодовольно, будто весь ужас, о котором уже второй месяц вещает обвинитель, озвучивается на иностранном языке и не имеет к ним никакого отношения.

– Твари, – сжимаю кулаки, мысленно четвертуя сначала одного, а потом второго. – Ну ничего, найдется и на вас управа, упыри проклятые. Ужом извернусь, но все силы положу чтобы ответили по закону.

– Лина, успокойся, – Джастина Кук, сорокадвухлетняя кареглазая мулатка с пышной шапкой черных кудрявых волос, с которой мы сдружились за два месяца слушаний, кладет свою ладонь поверх моих заледенелых пальцев, отогревая и заставляя их разжаться. – Они ответят, по-другому и быть

не может. Мы же уже приняли решение. А через пару дней, как судья даст команду, его озвучим и отправим козлов за решетку. Поверь, какая бы надежная «крыша» у них не была, поплачутся сволочи горькими слезами. Насильников не любят нигде, даже на зоне. И учат их там так показательно, что те запоминают об этом на долгую память.

– Тихо, девочки, не мешайте нашему обвинителю вести допрос последних свидетелей, – склонившись и прикрыв рот ладонью, шикает Марко Милс, смешной тридцатитрехлетний пузан с совершенно лысой головой, но густой бородой ярко-рыжего цвета.

– Прости, – поворачиваюсь к нему, произнося извинения одними губами.

Все мы, я, Джастина, Марко и еще пятеро человек, являемся присяжными заседателями в судебном процессе против братьев Багз и по несколько раз в неделю приходим сюда, в зал суда, чтобы слушать, анализировать, изучать все детали дела, а в конце процесса озвучить общее для всех восьмерых решение: виновны или нет.

Конечно, виновны.

Тут нет никаких сомнений.

И я планомерно и целенаправленно подвожу каждого присяжного к этой мысли, делая акцент при обсуждениях на доказательную базу обвинителя, на фотографии измученных девчонок, на улики, ясно подтверждающие их жуткие деяния.

И всё это не потому, что я такая поборница морали и дую на воду, ведь слова защиты звучат очень убедительно и красиво, а многочисленные свидетели в пух и прах ежедневно разбивают многие факты обвинения. И это легко вводит некоторых из моих коллег в раздумья: а на самом ли деле виноваты двое молодых и красивых мужчин, которым совершенно не нужно прилагать усилий, чтобы очаровывать женщин? Или это происки феминисток, решивших обвинить их ложно, так, чтобы те обратили на них внимание?

Вот только они виноваты.

Ви-но-ва-ты!

Я знаю наверняка, хоть и не могу ни одной живой душе признаться в этом. Иначе меня с позором выкинут из присяжных заседателей, впаяв обвинение в сокрытии личных данных, ведь родственники не имеют права участвовать в таких слушаниях.

Суд должен быть независимым, честным и непредвзятым. Стерильным, чтоб его, на эмоции и чувства.

А я повержена этим самым эмоциям.

Я киплю.

Я ненавижу.

Я презираю.

Я мечтаю сделать с этими холеными извергами всё то, что они проворачивали, издеваясь над слабыми, беззащитными девочками.

Я мечтаю сплясать на их могилах.

У меня есть на это право, пусть я и присвоила его себе самолично. А все потому, что моя сводная младшая сестренка их опознала. Сразу и наверняка. Без всяких «мне кажется» и «они похожи».

Четко и мгновенно. Но, к сожалению, показаний дать не успела.

Она оказалась одной из тех двоих слабовольных девчонок, которые... сдались. Сломались. Не смогли пережить моральную травлю, насилие и унижения.

И покинули этот мир, посчитав смерть – лучшим выходом. Дурочки. Какие же они дурочки. Ведь всё и всегда можно решить, исправить, забыть, заменить, пока ты жив. А вот в ином случае уже без вариантов.

Моя сестренка, Ждана Санти, не захотела бороться. Слишком чистая, слишком правильная, слишком нежная и ранимая для нашего жестокого мира, вырвавшись из мерзких лап насильников, она выбрала путь слабых. Однако, пока находилась во вменяемом состоянии, успела рассказать достаточно. Да еще такое, от чего волосы на голове дыбом встали, а по коже ледяные мурашки побежали. А именно то, что почему-то до сих пор, спустя два месяца, еще не выносятся на прилюдное обсуждение, а умалчивается, как несущественное.

Но я-то знаю.

Багзы создали свой клуб не столько для себя и таких же озабоченных как они дураков-людей, сколько для двуликих,

любящих развлекаться время от времени с человеческими самками. Ждана была тому свидетелем. В один из вечеров она видела оборотней, отбивавших себе невольниц для частной закрытой вечеринки. И эти девочки назад уже не вернулись. Как весело про них сказали охранники, избивавшие девчонок из-за любой провинности: «Самое лучшее мясо пропало».

Чтобы не сильно привлекать внимание своим не совсем подобающим видом, точнее, чтобы поменьше демонстрировать всю ненависть и презрение к тварям, которых сложно называть людьми, отворачиваюсь и принимаюсь рассматривать убогое помещение.

До чего же глупой и наивной я была еще пару месяцев назад, когда считала, что зал судебного заседания очень похож на театр: обвинитель гордо и высокопарно, размахивая руками, толкает речь, адвокат стирает платочком пот и блещет красноречием, само дело рассматривают всего за час, а в конце судья стучит молоточком.

Ведь именно так инфосети и преподносят этот процесс в фильмах и судебных телешоу. На самом же деле настоящее заседание сильно отличается от киношного и не в лучшую сторону. Вместо помпезного большого зала, в котором хватает места всем желающим, пятиметровых потолков и мозаики на стенах, узкие коридоры, маленькое помещение с плохо открывающимися окнами, покрашенными зеленой масляной краской стенами, а из мебели – пять парт, сильно на-

поминающих школьные.

Судья же среди нас выделяется лишь мантией. И молоточек у него лежит не для дела, а лишь как элемент декора.

Обвинитель читает речь по бумажке, а скорее монотонно бубнит ее себе под нос, но и адвокатам Багзов долго и не по делу рассуждать не дают, хотя те все же как-то умудряются играть на публику.

И тягомотина, тягомотина, тягомотина.

– Объявляется перерыв, слушание продолжится в шестнадцать ноль-ноль, – радуется секретарь хорошей новостью спустя несколько часов.

И практически все присутствующие облегченно выдыхают в едином порыве.

– Слава всевышнему, теперь можно и перекусить, – потягиваясь, улыбается Марко. – Предлагаю всем пойти в кафе за углом.

– У меня с собой бутерброды, – отказывается Вакиса Симон, и к ней тут же присоединяется Митра Маркус, трясая термосом.

Эти две дородные матроны под пятьдесят единственные, кто до сих пор сомневается в виновности Багсов и взирают на обвиняемых как на восьмое чудо света.

– У меня дела на почте, – отрицательно качает головой мадам Силантия, прима театра на Большом Холме, – так что я полетела, чтобы вовремя вернуться.

Оставшиеся двое мужчин, зубной техник Судрев и прораб

на стройке Чулаев, тоже решают скоротать время за игрой в домино.

Потому, в кафе мы отправляемся втроём.

Глава 2

ЛИНА

– Опять будете свои молочные коктейли? Ты клубничный, – смотрит на меня Марко, затем переводит взгляд на Джастину, – а ты банановый?

– Да, – киваем, слаженно улыбнувшись и переглянувшись с Кук.

Кафе «У мамы Валии» мы с ребятами приглядели в первый же день знакомства, когда поняли, что судебные заседания будут не быстрыми и интересными, а медленными, утомительными и безумно заунывными. А стоило пару раз отведать свежей, действительно вкусной, а не резиновой выпечки, приготовленной хозяйкой заведения, съесть по тарелочке наваристой солянки и выпить вкуснейших молочных напитков с добавлением мороженого, как решение: больше ничего другого не искать, приняли единогласно.

Тем более, и по финансам оказалось очень бюджетненько, учитывая, что это деловой центр города, и цены в заведениях общественного питания тут кусаются практически всегда.

– А еще чего? Опять солянку и круассаны с шоколадом? Или, может, что-то новенькое? Я угощаю, так что не стесняйтесь, девочки.

– По какому поводу такая щедрость? Банк ограбил? – хмыкает Джастина, снимая и аккуратно укладывая плащ на

перекладину.

– Нет, конечно. Еще варианты, – не собираясь быстро сдаваться, хитро улыбается Милс.

Он расстегивает пиджак и чуть поддергивает рукава пиджака в локтях, оголяя запястья. Затем ныряет рукой во внутренний карман и вытаскивает из него квадратный довольно пухлый портмоне. Опускает его под стол, кивает нам, чтобы подошли поближе, и слегка раскрывает, показывая плотную стопку крупных банкнот.

– Не может быть, – ахаю, прикрывая рот ладонью и округляя глаза, – неужели ты взял тот странный заказ от тайного заказчика, про который говорил две недели назад?

– Взял, выполнил, сдал и получил гонорар! – растягивает в широкой улыбке губы Марко, отчего его рыжая борода приходит в движение.

– Ну ты – смельчак, – качаю головой, плюхаясь попой на соседний стул, – и что, так и не видел, для кого делал работу? И даже не захотел пробить с твоими-то возможностями?

– Не-а, – чуть понизив голос, сознается мужчина, – меня сразу предупредили, если не стану любопытничать, получу еще двадцатку сверху.

– Красавчик! – хвалю мужчину и спешу пожать ему руку.

Милс, как я узнала, подольше пообщавшись с парнем, оказался программистом в IT-компании. Это по официальной версии. А вот по неофициальной, которую он нам озвучил, когда мы как-то почти до ночи проторчали в суде, а по-

том пошли отметить это дело в кафе бокальчиком полусухого, еще и каким-то суперкрутым хакером, при желании умеющим легко или почти легко вскрывать самые сложные секретные механизмы и базы данных.

– Ну так что, красотки, давайте я сделаю заказ сам? Доверитесь профессионалу и завсегдатаю общепита, умеющему готовить исключительно одну яичницу? – стреляет Марко хитрым взглядом в сторону Джастины, в очередной раз подтверждая мои догадки, что этот весельчак равнодушен к смуглокожей пышечке.

– А давай, – переглянувшись со мной, дает добро Кук, отправляя Милса к стойке.

Я же встаю со стула, чтобы стянуть с себя длинный трикотажный кардиган крупной вязки. Наконец-то мне становится тепло и даже как-то непривычно и словно по-семейному уютно в этом небольшом, но очень милом заведении, где на столах лежат бело-красные клетчатые скатерти, стоят вазочки с цветами, салфетницы и солонки, на стенах висят симпатичные натюрморты, нарисованные явно от руки и с большой любовью, а при входе встречает радушный персонал, улыбаясь и приветствуя, как своих родных.

Не знаю, то ли на мне так сказалось всё произошедшее со сводной сестренкой, а ее последующий необдуманный шаг напрочь расшатал нервную систему, то ли все же довела ужасная погода, но я не прекращаю мерзнуть, как бы тепло не одевалась.

Меня то и дело знобит и сотрясает, как в лихорадке.

На улице всего лишь конец первого месяца осени, а чувствуется холод такой, что хочется уже достать зимние вещи. Да и сильные ветра с частыми дождями не добавляют радости, как и солнце, то и дело спешащее спрятаться за тучами.

Город, такой живой, веселый и радостный по весне, теперь напоминает серый унылый муравейник. И лишь по ночам, когда всю серость скрывает сумрак, а вокруг зажигаются тысячи и тысячи разноцветных огней иллюминации, а из открытых дверей ресторанов, клубов и кафе раздается веселая музыка, становится немного симпатичнее. Хотя я все больше чувствую себя в нем одинокой и никому ненужной, потерявшейся и заблудившейся щепкой в океане.

Пожалуй, единственное, что не дает окончательно угаснуть и потонуть в жалости к себе, это горячее желание отомстить убийцам сестры, да дружеское общение с Кук и Милсом.

– Так, надо, пожалуй, Зулечке позвонить, – взмахивает рукой Джастина, имея в виду свою десятилетнюю дочку, которая получила травму при рождении и осталась инвалидом из-за халатности акушеров, неправильно принявших роды.

– Привет ей от меня передавай, – киваю с улыбкой и поднимаюсь, чтобы пойти помыть руки. – Я скоро, – показываю глазами в сторону санблока.

– Конечно, – соглашается приятельница и мгновенно пропадает для всего мира, услышав голос родного ребенка.

Не признаюсь даже себе, но по-доброму завидую Джасти-не, потому что у нее есть с кем разделить тепло души, о ком заботиться, есть тот, кто любит ее, к кому она бежит домой, сверкая пятками, кого балует вкусными завтраками, и кто дарит ей волшебство улыбки.

Кук – вообще молодец, она – боец, пример настоящей сильной женщины, не опустившей руки, когда судьба дала ей тяжелейшее испытание болезнью дочери. Она справилась, пережила годы, когда они вдвоем с Зулей, не имея ни одного родственника, перебирались из одной клиники в другую, надеясь на поправку, и даже смогла финансово встать на ноги, устроившись удаленным редактором в небольшой только развивающийся журнал, который за несколько лет шикарно раскрутился и стал очень популярным изданием.

За своими мыслями успеваю посетить санузел и вымыть руки, а когда выхожу в коридор, сама не понимаю, как в ко-го-то врезаюсь. Точнее, это меня чуть ли не сносят с ног, проносясь мимо.

– Извините, – пишу, испуганно прижимая руки к груди, где заполошно стучит сердце, и оборачиваюсь вслед высоко-му мужчине в длинном темно-сером плаще.

Удивляет не столько его бескультурие и то, что меня и мои слова попросту проигнорировали, сколько факт, что он на-правляется не к центральной двери, через которую в кафе попадают все посетители, а в сторону черного хода, куда бе-гают на перекур официантки.

– Хам, – выдаю в след грубияну, а потом прищуриваюсь и внимательнее рассматриваю исчезающую в дверях широкую спину.

Меня не покидает уверенность, что я знаю этого человека или точно где-то видела.

Вот только кто он и откуда, никак не могу сообразить.

Ладно, мысленно отмахиваюсь и возвращаюсь за столик к друзьям.

Если что-то важное, всплывет в памяти, когда переключусь на что-то иное, как очень часто и происходит.

– О, Лина, вы с Марко на пару что ли руки мыли? – хихикает Джастина, переводя взгляд с меня на Милса, усаживающегося за стол и смотрящего на меня чуть напряженно.

– Нет, – мотаю головой. – Мы не виделись, но вот один ненормальный чуть меня с ног в коридоре не снес. И даже не извинился, поросенок. Странный, конечно, тип.

– Да забудь, – отмахивается Марко, кивая на официантку с полным подносом, что направляется в нашу сторону, – смотрите лучше, каких я вам вкусностей заказал. Пальчики оближете.

– Уверена, что так и будет, – согласно кивает Джастина, потирая ладошки. – Я голодная до жути. А тут так классно готовят, у-мм.

– Кстати, я твоей кнопке заказал шоколадные маффины с собой на вынос, принесут, когда будем уходить.

Смотрю на приятелей, и проблемы с печальями будто

немного отступают, потому что вот она жизнь. Она не закончилась, а продолжается. Люди флиртуют, ухаживают, переглядываются, влюбляются.

За черной полосой обязательно придет белая. У всех.

И у меня тоже. Особенно, когда судья вынесет приговор.

– Кстати, девчонки, я вам скажу одну убойную тайну, но только по секрету, так что, тс-сс! – жестом показав, что стоит придвинуться ближе и слушать внимательно, сообщает нам Марко, когда мы допиваем напитки и отодвигаем посуду, собираясь уходить.

– Ух-ты, секреты? Обожаю их, – потирает ладошки Джастина.

А я не очень, что-то в последнее время они все боком выходят, комментирую про себя, но ближе подсаживаюсь.

Любопытство – порок, но его никто не отменял.

– В общем, тут такое дело... Я, когда над последним делом работал, еще кое-куда попутно залез и нашел такое... скажу одно, девчонки, эти уроды, в процессе над которыми мы с вами участвуем, они – реальные монстры и их место не в тюрьме, а на виселице.

– Это ты о чем? – выдыхаю придушенно.

Неужели он нашел то, о чем говорила сестренка? И про участие двуликих есть какая-то информация?

– О том, что эти Багзы – всего лишь мелкие пешки по сравнению с теми, кто на самом деле имеет ко всему отношение.

– Значит, дело замнут? – кривлюсь, приходя в ужас. – Обратни не дадут ему хода, явно откупятся и что-нибудь придумают.

– А причем здесь обратни? – удивленно распахивает глаза Джастина, да и Марко смотрит очень схоже с ней.

Вот дьявол!

Кажется, я ляпнула не то, о чем хотел рассказать наш приятель.

– Я была уверена, что ты говоришь про них, – пожимаю плечами, разыгрывая недоумение, глядя на Милса. – А разве нет?

Простите, ребята, хоть мы и очень сдружились в последнее время, но мне нельзя рисковать и признаваться в родстве с одной из пострадавших. И ты, Ждана, дорогая сестренка, прости. Но не упоминая тебя, я никак не смогу рассказать о том, что знаю про двуликих.

– Нет, я про них, – Марко поднимает глаза вверх и приподнимает голову, – власть имущих.

– Неужели шишки какие-то? – прикрывая рот ладошкой, шепчет Джастина.

– Они самые, – соглашается наш крутой хакер и тут же улыбается, – но я сделал копию записи. И кое-кому ее отдал. Так что, обещаю, скандал выйдет знатным, когда эти ролики покажут по телевидению.

Глава 3

ЛИНА

До дома добираюсь вымотанная, будто огород весь день копала, а не сидела на попе ровно, слушая обвинителя, бубнившего на одной ноте около двух с половиной часов.

Хорошо еще, что в начале восьмого нас отпускают. Очень хлопотно и неудобно по темну прыгать с маршрутки на маршрутку. Последняя, что идет до пригорода, где я живу, вообще убивает, потому что ходит с перерывами в час, а то и полтора. И попасть в нее, не околотившись от холода, да еще и заняв сидячее место – уже фантастика.

Зато пока пятьдесят семь минут покачиваюсь в набитой битком пассажирозовке, успеваю и так и эдак прокрутить в голове ситуацию с мужиком, налетевшим на меня в кафе. Блаженно прикрытые глаза и негромко звучащая в наушниках музыка этому очень способствуют.

Но вредный дядька, как упертый баран, никак не желает помогать и раскрывать о себе новые детали.

И нужно бы забыть, подумаешь, толкнул. Но нет. Мозг продолжает анализировать, а успокоение так и не наступает. Мне очень хочется докопаться до сути: почему я решила, что он мне знаком? И ответ на этот вопрос кажется ключом к чему-то несомненно важному.

В двадцать два ноль семь вваливаюсь в квартиру, о чем со-

общают электронные часы, висящие на стене напротив входа. Задержка обосновывается попутным заходом в магазин, потому что я вовремя вспоминаю про хлеб, который закончился, но понадобится уже утром, когда захочется бутербродов. Беру пышный круглый каравай и, недолго думая, прихватываю вкусность кое-кому еще.

В прихожей опускаю сумку и пакет на пол и со стоном блаженства приземляюсь на стоящий около зеркала пуфик.

– Сямбель, я дома, – кричу, скидывая обувь и разминая уставшие пальчики на ногах, и достаю из кармана шуршащий пакетик кошачьего корма, слегка им потряхивая.

– Мя, – раздается громкое в ответ с кухни. Следом «шмяк» от спрыгнувшего на пол увесистого тела и тихий топот лапок. – Мя, – выдает повторно мой любимец, появляясь перед глазами.

Я подобрала это чудо на улице полтора года назад, когда выносила мусор. В одной из коробок, валяющихся не в контейнере, а рядом, услышала шорох и странный писк. И первое, что в тот момент пришло на ум – крыса шебуршит. Я даже не поленилась найти палку и потыкать коробку, отчего писк стал еще громче и жалобнее, вынуждая осмелеть и снять крышку.

В общем, увидев, дрожащий комок меха, не устояла и забрала себе. И не пожалела, потому что вдвоем жить веселее, и дома меня всегда ждут с распростертыми объятиями.

– И я по тебе скучала, – подхватив Сямбеля на руки, за-

рываюсь пальцами к его длинный мех и провожу по спинке.
— Пойдем, будем тебя баловать деликатесами.

Вспомнив слова Марко, что он подобрал в СМИ сенсацию, включаю телевизор и щелкаю пультом, пока не нахожу новостной канал. Обычно всей этой ерундой о политике и жизни звезд я не особо интересуюсь. Неинтересно. А что-то важное мне и студенты на занятиях рассказывают, иногда даже в лицах.

Но тут...

Пересматриваю всё. Уж очень мне неймется узнать: кто же все-таки в деле Багзов замешан еще помимо двуликих, про которых почему-то не оказывается ни слова в...

А вот, кстати, где копался Марко, он секрет так и не открыл. Но тут и ежу понятно. Все серьезно. Такие деньжищи, что он показывал, за простую работенку не платят. За них пару месяцев надо горбатиться, а то и все три.

Весь вечер так и щелкаю каналами, не находя ничего интересного. А вот Сямбель находит. Он садится напротив меня и, как часы ходики, некоторое время вертит головой, наблюдая как я, нервничая, то и дело перекладываю пульт из одной руки в другую.

Возникает горячее желание набрать Джастину и спросить у нее, вдруг я что-то пропустила, пока лазала не там. Но через минуту сама себя торможу и откладываю телефон. На дворе ночь. Нечего беспокоить человека, тем более они с дочкой уже давно спят.

В начале второго понимаю, что уже всё, перебор, потому заставляю себя отключить бестолковый новостной ящик, вырубить свет и завалиться спать. Сна нет ни в одном глазу, но целенаправленно расслабляю тело и постепенно проваливаюсь в никуда.

А утром вскакиваю с какой-то дурной идеей фикс, что самое важное я проспала.

Снова, пока завтракаю и готовлюсь к выходу на работу, щелкаю пультом. И вновь разочарованно выключаю телевизор.

Ничего.

Пусто.

– Ребята, всем привет, – в своей обычной манере приветствую студентов, заходя в аудиторию перед самым звонком. – Сегодня два часа лекций и... опроса не будет, если вы расскажете мне все последние новости, которые я пропустила за два дня.

Посыл моим ребятам нравится. И первые сорок минут пары они, перебивая друг друга, рассказывают всё, только бы занять мои уши и не дать раскрыть рот.

Хотя я, в принципе, не особо и возражаю. Как-то нет особого настроения нести сегодня важное, светлое, умное в массы.

Да и молодёжь понимаю, сама от них не так далеко в возрасте ушла. Конечно же, культурология – не самый нужный предмет для будущих финансистов и аналитиков, но раз в программу эти часы впили, а мне ставку выделили, то бу-

дем трудиться по мере сил.

Тем более, я их не особо напрягаю, а от широты и доброты души уже озвучила вариант быстрого и безболезненного получения «зачета» в декабре: посещать занятия, сидеть мышками и не подставлять меня перед начальством, ну и... а всё.

Даже опросы провожу в легком режиме, только чтобы плана работы придерживаться. Знаю же, что не особо они что-то читают из лекций, но хоть пишут, и то хорошо.

Так и пролетает рабочий день. А вечер коротаю, вновь мучая пульт и радуя дурацким видом Сямбея. Даже гулять не иду, что часто практикую по вечерам, чтобы лучше спалось.

Среда копирует вторник. Отличие только в том, что рабочие часы начинаются не с утра, а с одиннадцати часов, зато длятся почти до восьми вечера. А новостные каналы по-прежнему играют в молчанку.

Зато в начале шестого утра в четверг меня ни свет, ни заря будит резкое пиликаание телефона. И уже по его какому-то агрессивному вибрированию я догадываюсь, что услышанное точно не понравится.

Хотя, если задуматься, ну разве может сотовый звонить как-то по-особенному?

Нет, конечно.

А мой, оказывается, может.

Я смотрю на него, как на дурного вестника, и, сделав глубокий вдох и выдох, всё же снимаю трубку.

– Лина! Лина! Ты видела? – давится рыданиями абонент,

которого по измененному слезами и всхлипами голосу я узнаю только спустя минуту. – Этого не может быть, Лина. Не может. Не может. Но... но это он. Я... я его узнала. Узнала! О боги! Как же так, Лина?

– Джастина, постарайся немного успокоиться и объясни всё толком, – прошу Кук, проглатывая приветствие, потому что оно в данной ситуации неуместно. – Кто он? Что я должна была видеть? И где?

– Пятый канал, там смотри новости. Я его опять вижу, – подвывая на одной ноте, выдавливает всегда жизнерадостная женщина. – При нем нет документов, но это он. Посмотри сама. Я... Мне надо им позвонить. Сказать, что я его опознала...

Последнее Джастина уже бормочет скорее себе, чем мне, а потом, скомкано предупредив, что перезвонит, отключается.

Скидываю одеяло, случайно тревожа спящего в ногах Сямбея, на что тот поднимает голову и смотрит на меня с сонной обидой в глазах, и спрыгиваю с постели. Быстрая перебежка по холодному полу босиком, чтобы схватить пульт с журнального столика, стоящего в противоположном углу комнаты. Быстрый забег обратно. И шипение под нос, что экономные власти могли бы уже и включить отопление, а не морозить жильцов. Коммуналку же дерут круглогодично, жмоты.

Беспорядочно тыкаю кнопки пульта, пока не догадываюсь, что можно сделать все более оперативно, а потом...

– Просим всех, кто узнал этого человека или может сообщить какую-либо связанную с ним информацию, позвонить по телефону органов правопорядка 0110 или к нам на телевидение. Телефоны вы видите на экране, – четко выговаривает каждое слово диктор в то время, как на весь экран появляется фотография мужского лица с закрытыми глазами.

Но даже в таком виде я его узнаю.

Это Марко Милс.

А то, что фотограф пытался скрыть, направив объектив камеры немного сбоку, является по всей очевидности пулевым отверстием.

«Мужчина, приблизительно 35 лет, был обнаружен застреленным в районе Маунти-Молл на пересечении Призли и Степной. Отличительные черты: рост метр восемьдесят пять, крупный, упитанный, лысый, борода густая, рыжая, глаза серые. Одет в черный спортивный костюм, ветровку, серую кепку и белые кроссовки. Всех, кто его узнал, просим связаться с...»

Дальше бегущую строку я не читаю.

Перевожу взгляд с экрана за окно, где еще совершенно темно, и ни о чем не думаю.

Потому что даже не представляю, о чем тут можно думать.

Когда Марко говорил, что по телевидению скоро покажут сенсацию, и мы обалдеем, я совсем не предполагала, что это будет новость об его убийстве.

Наверное, и он имел ввиду нечто другое.

А вот что?

Кажется, есть большая вероятность, что этот вопрос ответа уже не найдет.

Глава 4

ЛИНА

Джастина перезванивает через полчаса, когда я успеваю подняться, сварить и выпить пару чашек крепкого кофе без молока и сахара, и истоптать кухню вдоль и поперек.

– Что они сказали? – выпаливаю, прежде посмотрев на экран и убедившись, что это вновь она.

Странно, что в первый звонок я как-то упускаю это дело из виду. Но все вполне объяснимо: за пару дней так себя накручиваю ожиданием сенсационных новостей, которые встряхнут весь город и не только, что, когда раздается ночной трезвон, спросонья акцентирую все внимание ни на экране телефона, а на происходящем событии, как таковом.

– Просили приехать на опознание. У Марко не было родственников. Помнишь? Он нам об этом сам говорил в день знакомства. Ну, тогда, когда мы в первый раз ходили обедать в наше кафе, – выпаливает на одном дыхании Кук массу информации.

Она явно всячески борется со слезами и старается, как умеет, взять себя в руки. Но, либо у нее плохо выходит, либо я привыкла к ее голосу настолько, что легко считываю, когда он ломается и искажается.

– Ко сколько тебя ждут? Мне поехать с тобой? – задаю короткие вопросы, отвлечение на которые поможет Джасти-

не еще чуть-чуть успокоиться.

Нечего ей впадать в неконтролируемую истерику и пугать дочь. Зулечка, наверное, и так уже проснулась от шума, созданного матерью, ведь насколько я помню, квартирка у девчонок, как и моя, небольшая, а значит, уединиться, чтобы не разбудить чувствительного ребенка очень сложно.

– Нет, Лина, вместе не получится. Тебе надо присутствовать на сегодняшнем судебном заседании в одиннадцать. Тем более, завтра должен быть вынесен вердикт. А мне нужно подъехать в морг в Истукане к двенадцати, – вздыхает женщина, и я предполагаю, что эти вопросы она уже прокручивала в голове. – Пожалуйста, проверь, чтобы секретарь зафиксировала мою неявку, как уважительную причину, а не прогул.

– Конечно, сделаю. Не переживай, – обещаю выполнить все в лучшем виде. – И Джас, держи меня в курсе. Ладно? – прошу ее, зная, то и сама буду переживать. – А еще, мне очень жаль. Милс был классным парнем. Одним из самых веселых добряков, кого я встречала.

– Согласна, – вновь всхлипывает Кук. – Я до сих пор не могу смириться с тем, что больше не услышу его: девочки, не болтайте, дайте прокурору дочитать обвинение. И... – на секунду в трубке поселяется тишина, а затем тихий-тихий шепот произносит, – Ли, а ты не думаешь, что смерть Марко может быть как-то связана с тем, что он нашел, когда...

Приятельница не договаривает. Но этого особо и не тре-

буется. Я сама себя измучила подобными вопросами, пока ждала от нее звонка с новостями и топтала линолеум на кухне.

И неудивительно, идея-то, если разобраться, вполне жизнеспособная.

Ведь что выходит?

У Милса в последние пару месяцев халтуры точно не было. Он сам говорил: на работе платят крохи, и намечающаяся шабашка – как дар божий. Дел на пару часов, а расчет очень приличный и сразу. Он с работой справился, гонорар получил, с заказчиком разбежался. Тут все хорошо.

А дальше выясняется, что шустрый парень, делая одно, попутно сунул нос в другое. Туда, куда не стоило. И ладно бы промолчал, скрыл ото всех. Но он решил поступить иначе и обнародовать что-то явно жуткое. Передал информацию своему знакомому и, выходит, засветился, да так сильно, что его мгновенно убрали с игровой доски.

Жестко и радикально.

Насовсем.

Менее, чем за двое суток.

– Мне кажется, Джас, нам не стоит обсуждать по телефону данную тему, – говорю, чуть растягивая слова, – но ты права, я тоже об этом думала.

– Ли, мне страшно, – выдает Кук, вновь громко всхлипнув.

И я могу ее понять. У нее есть дочь и нет родни. Нет за-

щиты. Если вдруг те, о ком нашел компромат Марко, захотят зачистить все следы максимально хорошо, они станут глубоко копать. Очень глубоко. И не факт, что не приплетут наши совместные обеды с парнем, как тот же подозрительный факт.

А потом не доберутся до моей биографии, той части, что я удачно скрыла...

– Перестань нагнетать, Джас. Мы ничего не знаем, потому что Милс нам ни-че-го не говорил. Ни-че-го! И вообще, вполне возможно, его убили из-за денег, которые были в портмоне. Вспомни, он нам показывал огромную пачку в кафе. А вдруг еще кто-то тоже ее видел? Например, какой-нибудь преступник, который захотел забрать ее себе? Кстати, тебе уже называли предполагаемую версию убийства?

– Ограбление, – глубоко дыша, сообщает женщина. – Они сказали, что при нем не обнаружили никаких документов. И кошелек тоже не было. А я сказала, что он получал гонорар за работу как раз накануне. Ой, Лина, я же им и про тебя, и про себя рассказала. Имя и фамилию. И номер телефона дала. Прости меня, я так растерялась, что выдала все, что знаю.

– Успокойся, – произношу твердо. – Ты поступила верно. В отличие от совсем расклеившейся Джастины я мыслю более трезво, а потому понимаю, что и до меня, и до нее законники добрались бы в любом случае. Не сегодня, так завтра точно. Потому что установить личность убитого в наше

время – не такая уж проблема. Тем более, в мегаполисе, где камеры и прочие гаджеты слежения раскиданы по штучке на каждый квадратный метр территории, а то и чаще.

И потом, не позвонила бы в экстренную службу Кук, набрали бы чуть позже соседи Милса или продавцы магазинов, где он покупал еду и прочее. В любом случае парня все равно бы опознали.

А затем полицейские стали бы уточнять круг знакомых. И так бы вышли на нас с Джастиной. Тут же последняя всех опередила, что, впрочем, может быть нам даже на руку.

– Мы присяжные заседатели, которые работали с убитым по одному делу, а в обеденное время ходили вместе перекусить. Всё. За это не наказывают, - произношу убежденно, потому что и сама в это верю. - Так что не паникуй. Лучше прими какие-нибудь успокоительные пилюли, чтобы перестать плакать и очистить голову. Ах-да, при разговоре со следователями не выдвигай своих теорий и предположений. Ни в коем случае. Говори только о фактах. Поняла? – даю наставления.

– Да, Ли. Поняла.

Предполагаю, что в этот момент женщина даже кивает.

– Отлично, – хвалю ее, а потом предупреждаю, чтобы не пропадала, звонила и писала сообщения в любое время.

И разрываю связь.

Мне нужно подумать, а значит, стоит проветрить голову, пока есть время до отъезда в город.

– Сямбель, дружок, пойдем-ка на прогулку, – зову четвероногого любимца и шустро одеваюсь.

В отличие от меня, коту собираться не требуется, и он без возражений усаживается в коридоре у двери, включая режим ожидания.

На улице свежо и ветрено, но отмечаю это краем сознания, пряча руки поглубже в карманы куртки. Все мысли уходят в размышления, которые, к сожалению, ничего нового не дают. Слишком мало вводных, чтобы развивать какие-то логические цепочки.

С Сямбелем мы обходим весь поселок по кругу. Вообще пушистик не такой уж любитель прогулок, но от моего сопровождения никогда не отказывается. Наверное, охранником себя считает, потому что, заведя в близости окрестных котов, тут же распускает хвост и зыркает чуть нагло, мол, не подходи, моя хозяйка!

Через час поворачиваем к дому. Хорошего помаленьку.

– Лина, дорогая, здравствуй, – приветствует меня соседка Иза, выходя на крыльцо, когда мы с четвероногим другом собираемся подниматься по ступеням.

– Доброе утро, куда вы так рано собрались? – интересуюсь у милой бабульки, перешагнувшей восьмой десяток и уверенно топающей к девятому.

Мавкова живет подо мной, на один этаж ниже, в квартире 91, и является чуть ли не единственным человеком, с которым мы хорошо и дружно общаемся. Остальные же либо

придерживаются негласных правил большого города, до которого нам, если разобраться, добираться более 55 верст, и ни с кем не знают, предпочитая воротить носы и не здороваться, либо меняются так часто, что я не успеваю запомнить их имена, как они уже съезжают на новое место жительства, а заселяются следующие.

– Ой, Линочка, так тебя в окно увидела, вот и поспешила навстречу. Ты же часто допоздна работаешь, а я спать рано ложусь. Никак не пересечемся. А у меня проблема назрела. Сын из Краснограда перевод почтовый отправил. Еще неделю назад. А квитанции все нет и нет. Я ящик уж по два раза на дню проверяю, и всё пусто.

– А почтальоны чего? У них узнавали?

– Вредничают. Говорят, ищите квитанцию у себя, мы приносили. Без нее же не дадим, так как на ней какой-то чудной код стоит. Линочка, посмотри, пожалуйста, может, они к тебе по ошибке сунули мой листочек-то. Помнишь, было уже такое, когда они в номере квартиры цифры «1» и «4» спутали.

– Конечно, помню, – соглашаюсь мгновенно. – Сейчас проверим. Только к себе за ключом сбегая и вернусь. Я же в почтовый ящик вообще не заглядываю. Зачем? Раз родственников нет, значит, и написать никто не сможет.

А дальше продолжаю мысленно...

Вот когда Ждана была жива я еще могла подумать, хоть и с трудом, что она мне выведет пару строчек, а теперь, когда

совсем одна на белом свете осталась... нет, некому мой почтовый ящик набивать. Если только рекламщики какие, но и те вряд ли. Слишком далеко мы от центра.

– Эх, молодежь-молодежь. Всё у вас электронно теперь. А я хожу, смотрю, – вздыхает бабулька, но не тяжко, а как будто молодость вспоминает, – ну, а вдруг кто-то отыщется, о ком ты совсем и не догадываешься? Вот возьмет и напишет.

– Нет, мне такое точно не грозит, – отмахиваюсь с улыбкой и обещаю вернуться через несколько минут.

– Не спеши, дочка. Я подожду, – сообщает соседка, оставаясь на крыльце.

Мы же с Сямбелем берем путь домой. А через десять минут, открыв почтовый ящик, я обнаруживаю в нем сюрприз. Кроме засунутого по ошибке уведомления на имя Изы Мавковой там оказывается еще кое-что.

А именно конверт.

Белый, из плотной альбомной бумаги, без единого штемпеля или марки.

Но адресованный, по все вероятности, именно мне, потому как кривоватым почерком, в котором я без труда узнаю руку Марко Милса, выведено всего два слова...

«Это бомба».

Глава 5

ЛИНА

«Привет, Лина.

Если ты читаешь это письмо, значит, я не справился. И меня, вероятнее всего, уже нет в живых. Это еще раз подтверждает мой вывод: в деле Багзов замешаны очень и очень серьезные лица, которые ни перед чем не остановятся, чтобы об их кошмарных делах не прознали простые смертные. Поверь, я был предельно аккуратен и приложил максимум сил, чтобы не засветиться. Но они оказались глазастее и рукастее, чем можно предположить.

Тебе стоит знать, что видеозапись, которую я нашел и хотел обнародовать, была передана лично в руки человеку, заинтересованному в вынесении Багзам обвинительного приговора. Лично (подчеркнуто два раза).

Если она не вышла в эфир, значит, уже и не выйдет. Это железобетонно.

Я ошибся, и ее уничтожили.

Знаю, ты – девушка ответственная и болееешь за справедливость всей душой. Я видел, как ты на каждом заседании убеждала присяжных заседателей внимательно вникать в каждую деталь дела и смотреть не на приятную внешность обвиняемых, а на поблекшие лица замученных и сломленных девушек. Поэтому именно тебе и только тебе я передаю

флешку с единственным экземпляром копии.

Как с ней поступить – решай сама. Но прежде, молю, сотню раз хорошенько подумай и лишь потом действуй.

Запомни, в твоём праве её уничтожить и спокойно жить дальше. И никто, подчеркиваю, Лина, никто и никогда не обвинит тебя в трусости. Скорее уж в здравомыслии. Потому что те, кто есть на ролике – страшные личности, жуткие. Но, что более важно, могущественные и всем известные.

Если же ты решишь продолжить мое дело, умоляю (подчеркнуто дважды), будь предельно осторожна. Обдумывай каждое свое действие, каждое слово, каждый шаг и жест. Не меньше десятка раз. Я не шучу. У них глаза и уши везде (подчёркнуто дважды). Моя смерть – прямое тому доказательство.

Помни, у тебя есть только один шанс, чтобы их обыграть, используя данные с флешки. Как только про нее узнают, за ней начнется охота, а соответственно и за тем, в чьих она руках.

Удачи, Лина.

Береги себя. Обнимаю, Марко.

P.S. Джастина не в курсе письма. И я прошу тебя не изменять этот факт. Она – прекрасная женщина, честная и отзывчивая, но, прежде всего, она – мать, которая первоочередно должна думать и заботиться о дочери».

Читаю строки, написанные слегка прыгающим кривоватым почерком, и запросто представляю нас с Марко, сидящими за столом в излюбленном кафе, он накрывает мои сложенные в замок руки своей огромной ладонью и произносит всю эту свою речь, пытаясь убедить, чтобы я не спешила с решением. А еще, как обычно, печется о Кук, потому что не равнодушен к ней всем сердцем.

На самом деле я не так хорошо знала Милса, чтобы называть его другом. И со стороны он действительно сильно напоминал азартного шалопаю, любящего риск и скольжение по грани, точнее по инфосети, своей стихии. Но глубоко внутри, куда пускал только избранных, он оставался добрым, отзывчивым и радеющим за справедливость человеком. Что и доказал, поплатившись жизнью.

Смаргиваю слезы и вытираю их длинным рукавом кофты. Кажется, лишь сейчас меня, наконец, догоняет осознание, что как прежде уже никогда не будет. Мы трое, Эванс, Кук и Милс, больше никогда не соберемся за круглым столиком уютного кафе, не перетрем кости остальным пятерым нашим коллегам, не посмеемся над шутками, понятными лишь нам троим, не обсудим дела каждого и не пожелаем приятных выходных, прощаясь до новой встречи и расходясь в три разные стороны.

Еще один невинный из числа людей, что мне небезразличны, поплатился за преступления поганных Багзов. И я буду не я, если не сделаю все, чтобы их наказали.

Достаю теплые брюки и водолазку, все темное, как и мое настроение. Одеваюсь. Закалываю волосы на макушке в высокий хвост. Наношу немного тонального крема и пудры, чтобы привести лицо в порядок, подкрашиваю тушью ресницы.

Вроде неплохо.

– Сямбель, я в суд, а это оставляю на твое попечение, охраняй дружок, – поизношу и показываю коту, ластящемуся у ног, конверт с флешкой.

Он смотрит мельком и без интереса. Ну естественно, это же не шуршащий пакетик с любимым лакомством, чтобы на него залипать. А какая-то ерунда хозяйки.

Оставлять на открытом месте ценную информацию желания нет. Вынимаю из секретера скотч. Выдвигаю и полностью вытаскиваю верхний ящик комода. Приклеиваю бесценный конверт к его задней наружной части. И возвращаю мебель назад.

Вот теперь я спокойна.

Тащить с собой флешку в город – глупость. Вдруг какой-нибудь идиот сумку выхватит, или сама выроню. Нет уж. Рисковать зазря не стоит.

Конечно же желание узнать, что на ней записано, будоражит и раздражает на части, но я держусь. Спешка в этом деле лишь повредит. Лучше вернусь после заседания и посмотрю, не торопясь и внимательно. А сейчас и время поджигает, и мысли скачут, не позволяя нормально концентрироваться на

чем-то одним.

В здание суда захожу за двадцать минут до начала нового слушания, снимаю вязаное пальто и определяю его на вешалку. А за спиной уже слышу тихие шепотки. Оказывается, все уже собрались. И я пришла последней.

– Лина, ты уж в курсе трагедии с Милсом? – интересуется Вакиса Симон, внимательно вглядываясь в мое лицо. – Вы же, кажется, дружили?

Киваю сразу на оба вопроса, но не комментирую.

Не хочу. Не с ними.

Пусть сами додумывают, что хотят.

– А нам господин Судрев рассказал. Он по новостям утром увидел. Надо же, какое недоразумение. Интересно, что думает по этому поводу полиция? – закидывает удочку Митра Маркус, складывая руки на коленях, как прилежная ученица, готовая внимать, вдруг я поведаю им что-то новое.

Пожимаю плечами и осматриваюсь, мне нужно найти секретаря. Она обычно забегает перед открытием зала, чтобы удостовериться, что все на месте и готовы приступить к работе.

– Вот я сомневаюсь, что это может быть ограбление, – продолжает любопытная особа, не дождавшись от меня реплики. – Ну что с Милса можно взять? Одежда посредственная, да и внешность – лысый и с бородой. Жуть. Не знаю. Можем, с друзьями что-то не поделил?

Вновь не реагирую и, заметив нужную мне девушку,

устремляюсь к ней, чтобы предупредить об отсутствии Джастины.

– Вот же неприятность, – поджимает та губы, услышав мои слова. – Свяжитесь с ней по возможности. Пусть хотя бы к вечеру прибудет. Сегодня планируется завершение слушаний и вынесение решения по этому делу. Ее подписи очень важны, – и уже тише, заметив шок на моем лице, добавляет. – Да, больше заседаний точно не будет. Судья Вайнер Шот улетает завтра с утра в Марсельевру, я сама брала ему билеты.

– Поняла, спасибо, я постараюсь до нее дозвониться, – даю обещание и отхожу к кулеру, чтобы выпить воды.

Мысли испуганными пичужками мечутся в голове. Слишком резко обрывается процесс, я рассчитывала еще на пару дней, как минимум.

– Аккуратнее, что ж вы, девушка, на проходе-то встаете, – шипит недовольный голос обвинителя. Он проносится мимо с грудой папок и чуть не выбивает стаканчик у меня из рук. – Нет бы сели в стороне, а не расхаживали.

– Извините, – произношу, выныривая из размышлений, и оборачиваюсь в след уже убегающему грубияну. – Задумалась.

– Не лучшее место вы для этого дела выбрали, голубушка, – доносится ворчливое от двери.

Я же удивляюсь отменному слуху и еще некоторое время смотрю на захлопнувшуюся дверь.

– И то верно, – произношу самой себе.

Удивительно, но сегодняшнее заседание ничем не отличается от прошлых. Такое же нудное и затяжное, как были прежде. Только слева от меня нет Джастины, а справа Марко. О последнем судья упоминает вскользь, точнее о том, что в решении не будет его подписи в связи с весомой причиной отсутствия. От постановки фразы и сухого, бездушного тона коробит. Будто ему все равно, что человек погиб. Хотя... так оно и есть. Он уже в мыслях, судя по довольному лицу, отдыхает на песчаном пляже Мискайского океана.

Жестокий мир, чёрствые люди. Все думают лишь о себе и своих потребностях. Горько вздыхаю и качаю головой. Чувствую себя одинокой никому ненужной песчинкой. Понимаю, что это все из-за нервного напряжения последних недель, но расслабиться не могу. Рано.

В обеденный перерыв в комнате отдыха выпиваю пару стаканов воды и, отвернувшись ото всех тупо смотрю в окно. На сердце тяжело. И говорить с другими не хочется.

Но просто так оставить тему Милса пятеро присяжных не хотят и перетирают ее со всех сторон. Еще и меня навязчиво пытаются втянуть. Симон даже бутерброды подсовывает, дабы умаслить. От еды отказываюсь. Кусок в горло не лезет. Зато нахожу повод на время ото всех отстраниться. Ухожу за кофе, который покупаю в аппарате перед входом. Он жутко противный из-за пережжённых зерен, в чем убеждалась уже несколько раз, но мне все равно. Горче уже все равно не

будет.

Сделав пару глотков, отставляю стаканчик на подоконник и набираю сообщение Джастине. Предупреждаю об изменении регламента и необходимости приехать и подписать документы. Но текст остается неп прочитанным и спустя полчаса. И даже через час, когда я тихонько вытаскиваю телефон из кармана, заняв место в зале.

Вторая часть дня тянется, кажется, еще медленнее. И я мысленно ее подгоняю и подгоняю. Но куда там, все вновь идет своим чередом. Правда, один момент заставляет меня напрячься и подобраться. Тот, когда к обвинителю подходит его помощник и отдает какие-то дополнительные бумаги. Точнее, когда летящей походкой устремляется прочь из зала.

– Это он, – шепчу беззвучно, ощущая пробегающий по спине холодок. – Он толкнул меня в кафе.

В голове вдруг начинают с шумом вертеться винтики, пазлы разлетаются и складываются вновь. Перед глазами мелькают кадры, как я выхожу из туалета, меня сбивают, и я оборачиваюсь. Как чуть позже смеется Кук, что мы отсутствуем с Марко в одно и то же время. Слова из записки Милса добавляют красок...

«...видеозапись, которую я нашел и хотел обнародовать, была передана лично в руки человеку, заинтересованному в вынесении Багзам обвинительного приговора...»

– Ну конечно, кто же, как ни сам обвинитель или его зам,

хочет засадить в тюрьму виновных, – бубню себе под нос. – Это же логично.

И тут же меня одолевает непонимание. Как так-то?

Почему тогда они не придали огласке компромат Милса и тот погиб...

– Боже...

Догадка о возможных причинах всех странностей и горестей придавливает своей откровенностью и трагизмом.

Не может быть...

Мир не мог настолько прогнать, чтобы те, кто представляет закон, кто призван его защищать, сами его нарушали...

Мена так поглощают жуткие в своей неприглядной правде мысли, что я и на голосовании заседателей нахожусь, как во сне.

– Пятеро за обвинение. Двое воздержавшихся. Против – никого, – произносит Судрев.

И я непонимающе моргаю.

– Что?

– Симон и Маркус решили воздержаться, – моих ледяных пальцев касается горячая рука, и, резко обернувшись, я встречаюсь с заплаканными глазами Джастины. – Я пришла десять минут назад, но ты будто провалилась в свои мысли и меня не заметила.

– Прости, – извиняюсь перед ней и уже хочу начать атаковать двух дамочек, поведшихся на миловидные рожи преступников, чтобы их переубедить, но Кук меня останавлива-

ет.

– Не надо. Решение все равно против Багзов. Они ответят за все.

С такой мыслью я и захожу в зал, где Судрев зачитывает вердикт присяжных заседателей.

С ехидной ухмылкой наблюдаю за слегка дрогнувшими лицами двух уродов. За напряжением в их позах и сжавшихся кулаках, упирающихся в колени. Но не успеваю возликовать, как слово берет судья:

– У суда недостаточно оснований, чтобы вынести обвинительный приговор. Дело будет отправлено на следствие, – звучит как гром среди ясного неба.

А мне кажется, будто мир рушится. Потому что...

– Сильвер Багз и Гаррудо Багз должны быть освобождены из-под стражи в зале суда. Незамедлительно.

Глава 6

ЛИНА

Домой добираюсь на автопилоте.

Меня трясет от озноба и непонимания. Точнее уже от полного понимания, что деньги и власть в нашем мире решают практически всё. Затыкают громкие рты, закрывают внимательные глаза, стирают лишнюю память и убирают всех неугодных.

Но самое страшное, что нет на них управы, на этих все-сильных. Ведь они и есть – закон. Они играючи калечат, насилюют, доводят до самоубийства и даже убивают, как того же Милса, и всё им сходит с рук. Абсолютно. Они сами себе прощают эти «грехи» и продолжают творить в том же духе, а то и пуще прежнего входят в азарт.

Не раздеваясь, прохожу на кухню и залпом проглатываю две таблетки обезболивающего, запивая их водой из стоящей на окне бутылки минералки. Только потом скидываю верхнюю одежду прямо на пол и сажусь на табурет.

Голова раскалывается так, что в горле колючий ком стоит, и тошнота не оставляет ни на секунду. Перепсиховала, вот и давление скакануло. Редкое у меня явление, но если уж случается, то лупит так, что сдохнуть хочется. По опыту знаю, что терпеть боль – не вариант, сама не пройдет, станет лишь хуже, следует сразу принимать меры. Но сегодняшний день

– весь сплошной кошмар и неразбериха от начала и до конца. Вот и получается, что о спасительных пилюлях, точнее их отсутствии в сумке и необходимости положить на всякий случай, вспоминаю, когда уже становится поздно.

Сямбель, будто чувствуя мое недомогание, тихо мяукает, трется об ногу, а потом запрыгивает на колени, секунды две топчется, укладывается и затихает.

– Ничего у нас не вышло, дружок, – жалуюсь ему, зарываясь в мягкую теплую шерстку. – Ничего. Не удивлюсь, если эти изверги потребуют с нас публичных извинений.

Отклоняю голову назад и, упираясь затылком в стену, прикрываю глаза. Слезы не заставляют себя долго ждать, прорываются горькими потоками, стекают по щекам и шее, чертя кривые дорожки, и тут же впитываются в высокую горловину водолазки.

Горько и обидно. За себя, за Ждану, за Марко, за всех пострадавших девочек, и даже за Джастину, у которой вполне могло что-то получиться и Милсом. Могло, но теперь мы об этом никогда не узнаем.

Хлюпаю носом, который под слезоточив быстро забивается и перестает дышать, и размыкаю губы, чтобы выпустить из себя жалостливый выдох.

Перед глазами возникает заплаканное лицо подруги, ее общий измученный вид и темные круги под глазами. И совесть тут же дает о себе знать очередным спазмом. А все потому, что от шока, когда судья вынес свой сумасшедший

вердикт, и от догадки, кто может быть причастен к смерти Милса, я с ней даже толком не поговорила, не выпросила подробностей похода в полицию, а лишь вскользь попрощалась и сбежала. Мне срочно требовался свежий воздух, не пропитанный смрадом обмана, подкупа и преступлений.

Нащупав телефон в кармане, достаю его и, недолго думая, набираю Джастине сообщение: «Прости, что сбежала, перенервничала. Позвоню завтра, дочурке привет».

Ответ прилетает минут через десять «Я все понимаю и не сержусь. До завтра».

Выдыхаю чуть свободнее и вновь прикрываю глаза. Теперь перед глазами встают два мерзавца, чьи лица я не забуду до тех пор, пока не отомщу. Лощеные пижоны, холеные, упакованные с иголки, наглые, чванливые, высокомерные и заносчивые. За все время, пока шли заседания, я лишь пару раз сумела поймать крохи беспокойства на их зажавшихся от наглости и произвола лицах. Никакой паники, никакого осознания собственной жестокости и желания признать себя виновными, никакого прозрения, что они играют ни в игрушки, а живыми людьми. Нелюди. Твари. Бессердечные твари.

Ну ничего, у меня будет шанс отыгаться. Главное, верить, что все получится.

– Пойдем-ка, Сямбель, в кровать, иначе прямо тут усну, – аккуратно опускаю четвероногого любимца на пол, поднимая брошенную рядом одежду и иду в комнату.

Желания ужинать нет совершенно. Хочется залезть в теплую постель, свить гнездо из пухового одеяла и подушек и спрятаться в них с головой. Этим и занимаюсь.

Хорошо, что завтра выходной и к студентам шагать на пары не нужно. Отосплюсь, а потом спокойно решу, как действовать дальше.

А на сегодня всё. Батарейки сели.

Новый день начинается совершенно по незапланированному сценарию.

В восемь десять звонит сотовый. Настойчиво звонит. Дважды. Потому что в первый раз я не успеваю к нему подойти, как вызов прекращается. Зато второй раздается почти сразу.

«Номер не определен».

Высвечивается на экране. И я пару секунд сверлю эту надпись взглядом, надеясь, что она вот-вот сменится и покажет набор хоть каких-то цифр, однако, чуда не происходит.

– Слушаю, – все-таки решаю удовлетворить собственное любопытство, а заодно успокоить упертого названивающего.

– Мисс Эванс, – произносит неизвестный низким уверенным голосом, давая сразу понять, что он не спрашивает, а точно знает: трубку сняла я. – Следователь Прикс беспокоит. Сегодня с десяти до двенадцати жду Вас на Олберри, 23. Кабинет сто два.

Четко, по-военному сухо. Он не уточняет, удобно ли мне

назначенное время, и буду ли я свободна, будто и так все знает наперед. Это настораживает и мобилизует голову стряхнуть остатки сна и начать работать.

– Тема беседы? – задаю логичный вопрос, поскольку мистер-важный-Прикс, озвучив время и место, замолкает. Даже звука дыхания через динамик не доносится.

– Марко Милс.

Коротко. Ясно. И в принципе неудивительно.

Кроме одного: слишком быстро все завертелось. Обычно, чтобы наше правосудие раскачалось, открыло дело и начало его разработку, нужно ждать о-очень долго, а то и пороги обивать, напоминая.

Тут же лишь сутки миновали. Оперативно.

– Я буду, – даю согласие, а через секунду слышу короткий щелчок.

Следователь, не прощаясь, прерывает разговор.

М-да, шустрый и наглый.

Что ж, я ждала вызова, пусть и позже. Но, может, это даже к лучшему. Нервы будут целее, чем если ежедневно ждать звонка или гостей с визитом.

Заставляю себя расслабиться и иду пить кофе, и только потом набираю Джастину. Меня интересует, был ли у нее вчера допрос или все обошлось посещением морга и опознанием тела. И еще ее ответы.

– Да, был. Следователь Прикс, неприятный тип, холодный, безэмоциональный, и смотрит своими глазами на вы-

кاته так пристально, не моргает даже, что по коже мороз бежит, — делится Кук. — Спрашивал, когда, где и как познакомился с Марко, какие отношения были, и что я могу предположить в отношении его гибели.

— А ты что?

— Отвечала, как договаривались: два месяца назад на суде, отношения служебные, обедали вместе, не более, и обсуждали лишь дело Багзов. По факту гибели сказать тоже ничего не могу.

— Ну да, ни слова лжи, — говорю, протяжно громко вздохнув. — Молодец, Джас, я тоже не собираюсь скрывать правды, тем более, что мы действительно почти не знали Милса. Это мы с тобой сдружились, а что нам мужчина — так... лишь компания в обед за столом.

Не знаю, почему вдруг решаю говорить именно так, будто предчувствие какое-то срабатывает, что нас могут подслушать. Ведь по сути — глупости же, кто мы такие, чтобы нас настолько глубоко проверять, но... не доверять внутреннему чутью не могу.

— Лина? — подруга не скрывает удивления в голосе и явно желает выпросить, что это на меня нашло, но я не даю ей и слова вставить.

— Прости, дорогая, спешу. Передай привет Зулечке. Я непременно вас скоро навещу.

А затем просто обрываю вызов.

Очень надеюсь, что это срабатывает моя внезапно

проснувшаяся паранойя, но лучше так, чем... не так. А потом на самом деле решаю закончить с допросом пораньше и отправляюсь в полицейское ведомство.

Еще не доходя до здания, в душе рождается и прочно укореняется негатив. И я заранее не жду ничего хорошего от встречи. В целом так и выходит. Стоит войти внутрь, как на психику начинают давить не только толстые грязно-зеленые стены, но и безразличие в глазах служащих. Они двигаются, как роботы, говорят, как роботы, и совершенно одинаково спокойно реагируют как на слезы и мольбы потерпевших, так и на угрозы, и брань сидящих в камере, что находится в пяти метрах от входа.

– Второй этаж, левое крыло, не забудьте отметить пропуск перед уходом, – монотонно сообщает мне дежурный, когда я отстаиваю очередь из пяти человек, и не успеваю его поблагодарить, как он уже про меня забывает. – Следующий.

Следователь оказывается именно таким, как описывает Джастина. Скользким и неприятным, пытающимся высверлить мне мозг своими глазами-плошками. Но, вспомнив своих хитромудрых учеников, я не поддаюсь. На зло ему практически сразу расслабляюсь и на задаваемые по четвертому кругу одни и те же вопросы отвечаю спокойно и... одинаково.

– Милса знала лишь по работе в суде, никакие личные темы при мне он не обсуждал, кто мог желать ему смерти – не догадываюсь. Конечно, если что-то вспомню, непременно

сообщу, ведь помогать правоохранительным органам – моя святая обязанность.

Через три часа сорок минут меня отпускают на волю, и я сразу еду домой, где еще на моменте открывания личины понимаю, что-то не так.

Глава 7

ЛИНА

– Сямбель, лапочка мой, ты где, дружок? – зову кошака, распахнув дверь, но не перешагивая порог.

Внутренний голос сигнализирует об опасности, а мозг врубает аналитику сам по себе. Коврик у двери лежит идеально ровно, а раньше был сдвинут на пару сантиметров влево. Можно все свалить на то, что кто-то мимо проходил и задел, вот только моя дверь крайняя, топтаться тут некому, а уборщица приходит раз в две недели, то есть и не она.

Дальше касание ручки двери и поворот ключа в скважине. Всё идеально на первый взгляд, но... щелчок при повороте мягкий, будто кто-то смазал механизм, чтобы он не грохотал. Точно не я, хоть мастер несколько раз предупреждал не затягивать. И сама ручка – с внутренней стороны я в свое время забыла снять ценник, а потом так и оставила, как личную фишку, он лип к пальцам, если кто-то обхватывал ручку целиком, потому я привыкла держаться за нижнюю часть... а сейчас там пусто.

– Мя, – раздается еле слышное недовольное ворчание после третьего зова, но питомец так и не появляется в зоне видимости.

Делать нечего, распахиваю дверь шире, захожу внутрь и как-то сразу ощущаю, что посторонние, да, были, но уже

ушли. И сейчас мне точно ничего не угрожает. Кот обнаруживается на кухне. Забился между холодильником и стеной, но выходить не спешит, лишь хмуро зыркает.

– Напугали тебя, да? – спрашиваю, протягивая ладонь и поглаживая своего трусишку по мягкой голове.

– Мя, – выдает он недовольно.

Понятное дело, напугали. В противном случае мой маленький тушканчик вряд ли бы заныкался в такое узкое место.

– Ладно, Сямбель, успокаивайся, лечи нервы, – высыпаю ему в миску любимый корм из пакетика, – а я ненадолго.

Еще с минуту глажу ворчуна и, заперев дверь, спускаюсь на этаж ниже. Если кто и знает, что могло происходить в мое отсутствие, то только Иза.

– Ой, Линочка, здравствуй, дорогая, – соседка открывает дверь через три минуты настойчивых звонков и приветливо улыбается.

– Добрый вечер, – киваю в ответ и, зайдя внутрь, чтобы избежать «лишних ушей», тут же перехожу к делу.

– Иза, скажите, а Вы ничего сегодня подозрительного во дворе не заметили? Может, молодежь какая хулиганистая к нам в подъезд заходила? Шумела, кричала? Или другие подозрительные личности?

Мавкову я выбираю прицельно. Она – не только женщина приятная и доброжелательная, но и любознательная до жути. То есть успевает отслеживать не только новостные каналы и

передачи о жизни «звезд», но и все передвижения соседей с раннего утра. Это я гулять люблю, а она большую часть времени коротает в кресле у окошка, откуда открывается отличная видимость и в телевизор, и во двор.

– Нет, – немного подумав, выдает соседка. – Тихо все было. Как обычно. Ну, если только Альбора не считать. Давно его не было видно.

– Альбора? – уточняю, не понимая, о ком речь.

– Ну да, это наш участковый. Мальчишка еще. Пухлый такой, круглолицый. Лет тридцати примерно. Он сегодня во дворе крутился в начале двенадцатого. Но, может, как раз этих самых хулиганов, про кого ты спрашиваешь, и искали.

– Он был не один? – цепляюсь к последнему слову, произнесенному во множественном числе.

– Верно, – согласно кивает головой, а потом, притушив голос и поманив пальцем, тихонько добавляет. – Приезжала большая черная машина без номеров. Богатая такая, с темными стеклами, как у Вультиевых из сорок шестой. Оттуда двое вышли. Вроде как серые, неприметные. Якобы штатские. Вот только...

– Что? – не выдерживаю паузы.

– Военные они, Линочка. Как ест военные. У меня жених из их числа когда-то был. Такой же прямой и скупой в движениях. Поверь, я их выправку моментально от любой другой отличу, даже если они ее скрывать станут.

– Ох, понятно, – киваю, потирая друг об друга в момент

заледевшие ладони. Услышанное пугает не на шутку. – Спасибо большое, пойду я.

– А что случилось-то, милая? – интересуется Мавкова, когда выходим из ее квартиры на площадку, и я делаю шаг вверх по лестнице.

– Да Сямбель какой-то шуганный, трясется, мяукает, будто его напугали криками или грохотом. Вот и решила уточнить, что тут было, – ссылаюсь на своего четвероногого питомца и, распрощавшись, возвращаюсь к себе.

Неторопливо обхожу квартиру и первое, что изучаю, это потолки, стены, карнизы. Вдруг незваные гости, которые пытались походить на штатских, но оказались службистами, камеру где припрятали или жучков напихали. Усмехаюсь на собственную подозрительность, но уверенность, что чужаки наведывались не обворовывать, а изучать обстановку и ковыряться в личных вещах, имеет под собой много оснований. Тем более, профессионалы. Если бы не мелочи в общем коридоре и поведение кота, я бы ничего подозрительного в самой квартире не обнаружила. Всё лежит так же, как оставляла, торопливо собираясь в участок. Аккуратно и на своих местах.

Значит, светиться не хотели.

И ничего не нашли. Иначе, уверена, гости бы задержались.

Чуть подумав, достаю спрятанную флешку. Нетерпение, погашенное на время другими заботами, вновь разгорается

пожаром и подталкивает узнать: что же она в себе таит. Эта потребность перевешивает даже желание есть. Но, пару секунд подумав, заставляю себя не глупить и варю овсянку, попутно кормлю Сямбеля и только после этого включаю ноутбук и вставляю в него карту памяти.

– Аа-а-ааа... Нет!.. Не-е-ет!.. Не подходите... Пожалуйста... Умоляю... Не-е-е-на-а-до... про-шу-у... – режущие по живому вопли незащитной жертвы оглушают спустя десять минут с начала просмотра.

Бью по клавиатуре ладонью и только с третьей попытки попадаю по нужной кнопке, чтобы остановить кошмарное воспроизведение.

Меня штормит и мутит, зажимаю рот рукой и, согнувшись напополам, бегу в санузел, где падаю на колени и расстаюсь с ужином.

Твари.

Какие же они...

Уроды бездушные.

Мерзавцы.

Изверги.

Нутро горит, душа рвется на части, сердце колет иглами, по коже бежит озноб, а следом выступает липкий пот. Меня трясет от дикости и бесчеловечности поступков... людей.

Я очень хочу развидеть всё, что удалось посмотреть, а еще расслышать. Но не выходит. Пусть я сижу в квартире, где полную тишину прерывает лишь тяжелый свист моего сбив-

шегоса дыхания, но в голове на повторе так и крутится картинка, где пятеро здоровых мужиков гогочут над истерикой молоденькой девочки. Совсем маленькой по сравнению с ними, забитой в угол и свернувшейся в клубок. А потом они, выпив по стопке и выбравшись из-за стола, всей толпой движутся на нее, скидывают банные халаты, оставаясь полностью раздетыми, хватают ее за руки и ноги, бросают на скамью и...

Очередной приступ рвоты скручивает внутренности ужом, из глаз безостановочно текут слезы. Я задыхаюсь, хапая ртом воздух, и впиваюсь ногтями в центр груди, стараясь болью физической перекрыть боль душевную. И не могу. Понимание, сколько сестренка еще всего не озвучила, и сколько вынесла, придавливает бетонной стеной.

Ужас струится по венам вместо крови.

ДИКИЙ УЖАС.

И полное бессилие.

Потому что троих на видео я узнаю. И если участие Багза, Гаррудо Багза, мерзавца, выпущенного на свободу, уже не удивляет, то двое других.

Не-на-ви-жу власть имущих.

Один из пяти – губернатор края, который практически каждый день мелькает на экранах, сияет белозубой улыбкой и толкает речи о значимости семьи, красуясь вместе с супругой и двумя взрослыми дочерьми на благотворительных вечерах. Второй – Верховный судья. Человек – Закон. Из-

вестный мне лишь потому, что однажды присутствовал около минуты на одном из заседаний, но быстро ретировался, так как не по статусу ему это «мелководье».

Боги... Боги... Боги...

Куда катится этот мир? Риторический вопрос, на который нет ответа, зато ответ находится на другой. И становится кристально ясно, почему дело развалилось.

С такими-то связями это обоснованно.

Точнее, клиентами. Настоящими VIP-клиентами.

Неудивительно, что у Марко ничегошеньки не вышло. Частная жизнь людей такого уровня охраняется профессионалами. И шансов свалить их в грязь, где им самое место, и растоптать, как они того заслуживают, практически нет.

Но врожденная упертость не дает отступить, наоборот, подталкивает двигаться вперед и пусть даже ценой собственной жизни искать справедливости. Потому что я знаю одно, но наверняка: эти монстры не остановятся. Их игры с беззащитными девочками продолжатся и станут еще безжалостней.

Выдыхаю горячий воздух, умываю заплаканное лицо ледяной водой из-под крана и возвращаюсь в комнату. Решаю сделать перерыв и не смотреть тяжелое видео дальше, а узнать хоть что-то о тех двоих, кого увидела впервые. Хочу знать всех убийц сестры в лицо, чтобы, если есть в этом мире справедливость, отомстить каждому. Или хоть одному, ведь я не супергероиня.

Проматываю кадры назад, делаю скриншоты самых удачных «рож» и, запустив инфосеть, загружаю снимки в программу. Настраиваю поиск похожего по фото, жму выполнить и откидываюсь на кресле, прикрывая глаза.

Звуковой сигнал оповещает о том, что совпадение найдено. Выдыхаю и прохожу по ссылке. Успеваю изучить лишь одного из двоих – заместителя прокурора нашего края, как... экран ноутбука начинает мерцать, картинка пропадает, всплывает ярко-синее окно, внутри которого бегут белые буквенно-цифровые строчки инфо-кодов загрузки.

Хмурюсь, пытаюсь сообразить, что это может быть, тянусь к кнопке экстренного выключения – не успеваю.

Мой любимый компьютер вспыхивает белым пустым экраном и гаснет, не подавая признаков жизни.

Сижу, еле дыша, и глупо хлопаю глазами. По спине ползет первая ниточка не страха, ужаса, но я заставляю себя верить, что это просто техника поломалась, а не... И все же паника побеждает. Оказывается, я слабее, чем предполагаю. Вытаскиваю флешку и, осмотревшись, не знаю, что с ней делать и куда прятать. Рука не поднимается разломать последнюю надежду на справедливость, ведь еще не факт, что меня могли отследить через инфосеть...

И всё же...

– Мя, – Сямбель, игнорируя мое зашуганное состояние, секунду топчется у ног, а потом запрыгивает на руки и растягивается на коленях.

Зарываюсь пальцами в теплый мягкий мех, заставляя себя успокоиться и не трястись раньше времени, ведь пока в квартиру никто не рвется, а значит, все может обойтись, и глажу-глажу-глажу. Мозг же напряженно ищет варианты, где сохранить ценную вещь. Дома – глупо, если меня вычислили, тут всё вверх дном перевернут. На работе – нельзя по той же причине. Джастине – да ни за что. Об этом просил Марко, да и сама я не хочу подставлять подругу. А больше у меня никого и нет.

Никого.

– Мя, – выдает мой кот, приподнимая сонное веко и намекая, что я халтурю и надо гладить его спинку интенсивнее.

– Прости, дружок, задумалась, – дарю пушистику нервную улыбку и ответственно чешу за ухом, пока случайно не цепляюсь за тонкий кожаный ошейник.

Озарение приходит внезапно.

– Сямбель, ты – гений! – взвизгиваю, притискиваю кота к груди и пару раз целую в нос, пока тот не начинает ворчать.

А через несколько минут мой четвероногий друг обзаводится маленьким, но бесценным украшением, которое и ему не мешает, но и от других прекрасно прячется в густой шерстке.

Глава 8

ЛИНА

Ночь проходит, как в тумане. То ненадолго засыпаю, то вскакиваю с бешено колотящимся сердцем и выпученными глазами и прислушиваюсь: не рвутся ли в мой дом убийцы, а через некоторое время, чуть успокоившись, проваливаюсь в безвременье вновь.

И так несколько раз по кругу. В итоге звонящий с утра будильник воспринимаю, как избавление от мучений, и со стоном вылезаю из-под теплого одеяла. Рабочий день никто не отменял. И уважительной причины для прогула у меня нет.

Голова чуть побаливает, но решаю, что для лекарства пока рано, и просто варю крепкий-крепкий кофе. Делаю бутерброд с сыром и прямо с ним в одной руке и чашкой в другой выглядываю в окно. Пасмурная погода заставляет скривиться, особенно мелкая, как пыль, изморось и шквалистый ветер, что играючи гнет ветви деревьев, срывает пожелтевшие, не до конца опавшие листья, и раскидывает их по двору.

– Никакого желания нет высовывать нос на улицу, – жалуюсь Сямбелю, притопавшему следом за мной на кухню из облюбованного на ночь кресла, – но кормить нас с тобой, дружочек, кроме нас самих никто не станет. Так что через «не хочу», но надо делать.

– Мя, – отвечает пушистик, отлично понимая слово «кормить», и подтверждает это, торкаясь носом и лапой в шкафчик, где хранится его еда.

– Вот и я о том же, – хмыкаю, в последний раз выглянув на улицу, чтобы убедиться в отсутствии подозрительного транспорта или людей, а затем отхожу от окна и достаю кошачий корм. – Держи, обжорка.

Сегодня мои занятия начинаются с десяти сорока. И времени вполне хватает, чтобы неспешно собраться и, приехав чуть раньше, составить и заполнить формуляр с рабочим планом на следующий месяц, который я откладываю уже неделю.

Не знаю, что взбредает в голову, либо вчерашний нервный перегруз, либо общий стресс последних месяцев и навалившиеся друг на друга стопочкой проблемы, но я решаю, что хочу быть красивой, а не затюканной мышью. Столько грязи и серости меня окружает, что, кажется, еще чуть-чуть и она полностью меня поглотит, уничтожив индивидуальность.

Не могу так больше. Устала.

Недолго думаю и достаю из шкафа темно-зеленое платье из тонкой шерсти чуть ниже колен. Вырез лодочкой, длинный рукав-фонарик, темно-зеленый кожаный поясok на талии – с виду простое, но очень красиво подчеркивающее фигуру. Осматриваю себя в ростовом зеркале и остаюсь довольна. С пышными кудрями и умелым неброским макияжем, скрывающим тяжелую ночь, выгляжу очень мило и солидно.

Высокие сапоги на широком устойчивом каблуке и черное драповое пальто заканчивают образ. Подхватываю сумочку и, чуть подумав, зонт, целую Сямбеля в нос и выхожу на улицу. Быстро пересекаю двор, кося чуть нервным взглядом по сторонам и подспудно ожидая появления следователя Прикса или широколицего участкового Альбора, но подходить ко мне никто не торопится, и я выдыхаю. А уж когда и автобус приходит быстро и без опозданий, даже умудряюсь выдавить улыбку.

Рабочий день пролетает незаметно и на каком-то внутреннем драйве. Ребята не подводят, вновь с удовольствием делятся новостями в первой части занятий, а во второй пишат конспекты или просто сидят тихо, но мне не мешают. И это круто, что у нас с ними так налаживается контакт. Я же от-тарабаниваю материал, кипя адреналином и позитивом.

Думаю, не последнюю роль в этом играет то, что часики тикают, а никто не торопится на меня набрасываться, и я все больше сдвигаюсь к мнению, что ноутбук просто сломался, потому что пришел его срок. Но, кроме того, настроение поднимают коллеги и студенты. Они замечают мой свежий образ и в течение дня не единожды осыпают комплиментами.

Купаюсь в их внимании и, наконец-то, вспоминаю, что я не старушка, умудренная жизненным опытом, а молодая девчонка, любящая жизнь и внимание противоположного пола. Двадцать четыре – это же так мало. А то, что я себя

слегка запустила в последние месяцы, ну, это всё нервы и переживания за Ждану. Сводная сестра была младше всего на пять лет, но, казалось, будто на все пятьдесят, как целая пропасть между нами.

В поселок возвращаюсь около восьми. На улице уже темно, но фонари справляются, да и народа хватает, потому никакого неуютя не испытываю. Забегаю по пути в магазин, отстаиваю очередь из пяти человек, набираю пакет продуктов и обязательную вкусняшку для Сямбеля, а потом неторопливо, не забывая внимательно смотреть по сторонам, двигаюсь к дому.

Остается завернуть во двор, когда мимо с включенными сиренами и мигалками проскакивают аварийные службы. Отслеживаю их перемещение, но значения не придаю. Едут и едут. Мало ли. Даже когда замечаю их остановившимися у нашего подъезда и быстро разматывающими шланги, пребываю в полном спокойствии.

Но оно лопается, как мыльный пузырь, когда ко мне бросается Мавкова, не скрывая слезы и прижимая сухонькие ладони к груди.

– Линочка, дочка, жива! – лихорадочно трогает плечи, руки, а потом заглядывает в глаза, будто всё ещё сомневается в моем присутствии. – Всевышнему слава! Я боялась, что ты внутри.

Киваю утвердительно и поднимаю взгляд вверх, как в замедленной съемке осознавая, что именно из моего окна ва-

лит дым.

Черный густой дым, уже не скрывающий жадные ярко-оранжевые всполохи огня.

– Сямбель! – взвизгиваю, оживая, и, бросив пакет, устремляюсь в подъезд.

– Девушка, нельзя, там опасно, – какой-то огромный мужик в спецодежде и каске преграждает дорогу.

Не обращаю внимания, отталкиваю и пытаюсь его проскочить, но он оказывается очень ловок, к тому же силен и уперт. Хватает поперек туловища и фиксирует.

– Нельзя сказал, – рывкает, встряхивая и рыча, как бизон. Я явно его бешу и мешаю работать, но... но там же мой пушистик!

– Мне надо, – цепляюсь пальцами за спецодежду, задирая голову и стараясь передать эмоциями весь свой страх и ужас, – там мой кот. Совсем один.

– Нет там никого, – обрубают меня резко, – радары не выдают признаков движения и сердцебиения. Вот смотрите, – сует под нос анализатор. – Сбежал Ваш кот или...

Не договаривает. Да и зачем. Другой вариант мне и так ясен. Но я не хочу о нем думать и просто обрубаю все эмоции.

Обвисаю, словно кукла, и просто наблюдаю за происходящим. Люди в форме так и носятся туда-обратно, что-то кричат, просят моего надсмотрщика подсобить. Тот секунду медлит, а потом подталкивает меня в сторону, и я отхожу.

– Линочка, иди сюда, присядь, дочка, – Иза берет под руку и тянет за собой.

Не сопротивляюсь. Шагаю и, только когда ноги упираются во что-то твердое, понимаю, что это скамья возле подъезда. Не замечая холода, шума и внимания высыпавших на улицу любопытных, плюхаюсь на сиденье и снова задираю голову вверх. Дым продолжает валить, но уже как-то лениво, а через пару мгновений распахивается створка, и один из пожарных кричит, что огонь локализован.

Не знаю, сколько проходит еще времени, когда мужчина, так и не пустивший меня внутрь, подходит и протягивает бланк, заставляя его подписать.

– Мы сделали свою работу. Пожар потушен. Источник возгорания выявлен. Нарушитель – хозяин дома, – четкими рубленными фразами выдает пожарный и, не дождавшись от меня реакции, ехидничает. – Что ж Вы, девушка, такая невнимательная? Теперь из-за Вашей безалаберности соседи страдают.

– Невнимательная? – хмурюсь, вылавливая самое важное.

– Ну а как еще Вас назвать? Утюг из розетки надо вовремя вытаскивать. А то как наряжаться и лицо рисовать, так память есть, а как электроприборы из розеток отключать, так она куда-то пропадает.

– Я не пользовалась сегодня утюгом, – отрицательно качая головой. – И вчера тоже. Вы ошибаетесь.

– Наша техника, – немного пафосно выдает недовольный

служащий, задетый моим недоверием, – никогда не ошибается, – «в отличие от Вас» читается в его глазах. – И да, я Вам штраф выписываю.

Никак не комментирую его речь, лишь забираю, не читая, бланк и уточняю, могу ли подняться к себе. Получаю разрешение и переступаю нетвердыми ногами по лестнице.

– У меня ночевать останешься, – оказывается, соседка никуда не исчезает, а семенит за мной следом, горестно вздыхая. – Всё со временем наладится, Линочка. Обязательно наладится, – старается поддержать. – Жалко только твоего Сямочку, ох жалко. Такой котик хороший был, умный, красивый.

– Спасибо, Иза, – от души благодарю женщину и, подавшись порыву, оборачиваюсь и на минутку прижимаюсь к ней. – Простите за то, что и Вашей квартире досталось. Только всё равно странно. И я пока не понимаю, как оно могло так выйти...

Качаю головой и вновь продолжаю путь, чтобы остановиться напротив выбитой двери, висящей на одной петле. Она настолько жутко сейчас смотрится, что в какой-то момент мне кажется, будто это и не мой дом вовсе.

– Ох ты ж, горюшко, – всплескивает руками Мавкова, заглядывая внутрь полностью раскуроченной и запачканной пеной и водой квартиры.

Я же лишь хлопаю глазами, открывая и закрывая рот. Выдать хоть один звук становится невыносимо сложно.

Это кошмар.

Кошмар наяву.

Это...

Закрываю глаза, чтобы развидеть тот бедлам, в который превратилось моё жильё, и прислоняюсь к стене. Задираю голову вверх и закрываю глаза, но слезы все равно прорываются сквозь ненадежную преграду.

Теперь я лишилась всех и всего.

И любимого питомца, и жилья, и его содержимого.

У меня даже сил не остается перешагивать порог и звать Сямбеля, потому что это бесполезно. В прихожей даже обои на стенах сгорели, что уж говорить про мебель и комнату, где по словам главного пожарного, всё началось.

– Линушка, пойдем ко мне, дочка, – Иза протягивает руку, позволяя на себя опереться.

А я и рада. Ноги совершенно не держат и ступают, лишь подчиняясь остаткам силы воли. Не хочу и не могу сегодня ни о чем думать.

– Эй, хозяйка, – перед глазами вдруг возникает молодой парень в форме пожарного, – там еще расписаться в регистрационной книге надо. Пойдемте скорее, а то вдруг новый вызов на пожар, а Вы нас держите. Давайте-давайте, пошевеливайтесь, начальство ждать не любит.

Подхватывает меня под руку и тащит вниз, не обращая внимания на мою вялость.

– Я скоро, – оборачиваюсь к Мавковой, которая намере-

вается следовать за нами, но не поспевает.

– Некогда нам, бабуля, а ты шевелись, – парень резко дергает за локоть, и я подчиняюсь.

Он, конечно, ведет себя непозволительно грубо и бестактно, но спорить и ругаться нет сил. Да и не до него. Перед глазами то и дело возникает образ моего Сямбея с его любимой «Мя»-фразой, и я прикусываю губу, чтобы не зареветь в голос.

– Куда нам? – уточняю, когда меня уверенно тащат мимо двух пожарных машин, припаркованных у самого подъезда.

– Узнаешь, – раздается уверенно-наглое, а руку выше локтя до боли сжимают железные тиски.

Прежде чем успеваю сказать еще хоть слово, получаю сильный удар в висок и проваливаюсь в темноту.

Глава 9

ДЖЕЙКОБ

– Джейкоб, ты что же? Меня бросаешь? – в голосе Маризы столько неприкрытого возмущения и экспрессии, что я притормаживаю в дверях спальни и оборачиваюсь, желая взглянуть на нее еще раз.

Всегда спокойная и рассудительная, идеально-холодная большую часть времени, за что я в свое время и сделал ей предложение стать моей любовницей, сейчас Скино сама на себя не похожа. Не просто кипит и пылает. Она, как проснувшийся вулкан, выплескивает на меня бурлящую массу негодования. Еще чуть-чуть и начнёт бить вазы, стоящие на прикроватных тумбах. И это не образное выражение, отлично улавливаю ее всплеск и зачатки агрессии.

– Я просто ставлю тебя в известность, что наше сотрудничество подошло к концу, – произношу ровно, как и привык с ней общаться.

– Сот... сотрудничество? – от удивления заикается волчица. – Наши отношения ты называешь сотрудничеством?

На эмоциях темно-карие глаза девушки сужаются и превращаются в черные сверкающие искрами угли, щеки наливаются ярким нездоровым румянцем, а грудь тяжело вздымается и опадает.

Красивая, спорить не буду. Но меня уже не цепляет ни ее

красота, ни сочность и свежесть, ни раскрепощенность в постели и желание угождать, ни идеальное поведение в обществе, где на протяжении последних десяти лет она прекрасно исполняла роль моей спутницы.

– Ты как будто удивлена, – пожимаю плечами. – Однако, я не говорю чего-то сверхстранныго. Вспомни, я изначально предупреждал, что этот день когда-нибудь наступит, и мы разойдемся в разные стороны. Ты приняла условия сама, без давления или принуждения.

– Но... столько времени прошло. Мы же почти десять лет вместе. Я считала, что ты уже давно забыл об этой незначительной детали и...

– И? – приподнимаю бровь, заставляя договаривать, раз уж начала.

– И вот-вот сделаешь мне предложение. Джейкоб, неужели ты не видишь, что я идеально тебе подхожу? Тем более, я согласна не искать истинного, а ты свою уже...

– Можешь не продолжать, – обрываю ее резко.

Не хочу обсуждать гибель половинки моей души с посторонними. Уж точно не с ней, той, у кого в сердце на первом месте лед и меркантильный расчет, а дар нашей богини она воспринимает, как малозначимый аспект жизни двуликих.

– Но, Джейкоб, своим внезапным поступком ты ставишь меня в ужасное положение. Хочешь, чтобы все шептались за моей спиной и называли брошенкой?

Общественное мнение для Скино не пустой звук. Она лю-

бит быть в центре внимания, блистать и кичиться своим положением, достатком и идеальной жизнью, используя мое имя. До сих пор меня это не волновало, потому что мои требования она выполняла полностью, не вынося мозг и подстраиваясь под мой график, мои предпочтения и требования.

Зато и имела почти всё, что душа желает. Я ценю тех, кто идет навстречу. Спустя месяц после ее согласия стать моей любовницей, я подарил ей ресторан в центре города, который она выбрала сама. До этого, будучи владелицей небольшого кафе на окраине, о таком взлете она не могла и мечтать. Попутно оплатил курсы по бизнес-подготовке, чтобы девушка чувствовала себя, как рыба в воде, ведя собственное дело. Покупка двухуровневой квартиры и машины, курсы вождения, курсы кулинарии, полеты к морю на отдых каждые три месяца и полное содержание с ежемесячным пополнением карты – я никогда не скупился. Привык держать слово, да и девушка всем устраивала.

А сейчас... дело даже не в Маризе. Она все также прекрасна и готова дарить мне себя, вот только я больше не хочу. Не понимаю себя, душа не на месте, рвется куда-то, стонет, болит. Сны непонятные еще снятся, выматывают похуже физических нагрузок. Будто не тут я должен быть, а далеко отсюда. И время утекает. Еще немного и я безвозвратно опоздаю.

Страхиваю наваждение, которое последние месяцы оку-

тывает все сильнее, заставляя сердце биться чаще, а Корбо, моего волка, сходить с ума, и продолжаю ненужный разговор.

– Мариза, я не буду возражать, если для всех станет известно, что это ты меня бросила, – даю ей добро.

Никакие слова любовницы уже ничего не изменяют между нами, я принял решение. И если ей хочется быть той, кто «кинул» Джейкоба Смита, пусть будет так. Мне всё равно.

Но ее это явно не устраивает, и она жаждет выкатить все козыри до последнего.

– Но... я не хочу тебя бросать! – возмущается красотка с пышными формами, упирая кулачки в крутые бедра, и воинственно оттопыривает нижнюю губу. – Нам хорошо вместе! Я тебя люб...

– Переигрываешь, – теряю интерес и вновь отворачиваюсь, направляясь в ванную комнату, чтобы забрать личные вещи.

– Кто она? – меняет тактику и несется следом.

– Не понимаю, о чем ты, – поднимаю взгляд от запонок, которые неторопливо защелкиваю на манжетах, и смотрю на девушку через большое овальное зеркало.

– Ты нашел мне замену? Отвечай!

Скино напоминает взбесившуюся фурию, очень красивую и возбуждённую. И любой другой на моем месте вместо разговоров сейчас бы подхватил ее на руки и унес обратно в спальню, чтобы доказать, что замены такой прекрасной леди

быть не может.

Любой другой, но не я. Смотрю ровно, глаза в глаза, пока она не сдастся и не опускает взгляд. Так-то лучше.

Да, кажется, я упустил момент, и девушка заигралась, решила, что имеет со мной равные права.

Вот только тут ошибка.

Этого никогда не было и быть не могло. Равны лишь истинные друг перед другом, какой бы разный социальный статус у них не был до встречи. Дар матери-Луны уравнивает обоих. Ведь они – половинки одного целого.

А в договорных отношениях есть тот, кто заказывает музыку, и тот, кто под нее танцует. Как раз наш вариант с этой волчицей, хоть она и пытается изменить невозможное.

– Нет, я не нашел тебе замену, потому что не искал, – отвечаю ровно и честно на последний вопрос.

Действительно не искал.

Все последние месяцы я пребываю в каком-то раздрае, хочется мчаться и что-то делать, но не понимаю, куда и зачем. Потому и чувствую себя запертым в клетке зверем. Недовольным и беспокойным. И это терзание изо дня в день выматывает похуже обязанностей контролера, которые я выполняю последние сто с лишним лет.

И все же результат от метаний есть – я рву изжившие себя недоотношения.

И не испытываю сожаления, что радует.

– Джейкоб, – оборотница вклинивается в мысли, прини-

мая обольстительную позу и растягивая улыбку на пухлых губах, – не торопись, дорогой, подумай еще. Возьми паузу. Я готова ждать, сколько ты скажешь. А хочешь, мы ребеночка заведем? Ты же с ума сходишь по детям. Так я согласна...

Смотрю на нее и ничего в груди не ёкает.

– Спасибо за щедрое предложение, но нет. Наше время вышло. И это окончательное решение.

Защелкиваю часы на запястье и выхожу из ванной в прихожую, затем подхватываю и надеваю пиджак, брошенный вчера вечером на диван.

– И что мне делать? Как я буду без... тебя? – в голосе двуликой появляются слезы.

Не пробивает. Хмыкаю. На сто процентов уверен в постановке, как и в том, что последнее слово оборотница подобрала в убегающий момент, заменив привычное «денег».

Мариза – красивая женщина, очень любящая... себя и комфортную жизнь, которую я ей легко обеспечивал все эти годы. И боится она потерять не меня, а то, что ее окружает и к чему она привыкла.

– Ты будешь жить дальше, строить новые отношения, развивать бизнес, – говорю прежде чем выйти за дверь навсегда. – Ресторан остается тебе, как я и обещал, эта квартира тоже. На карте есть пара миллионов, так что уровень твоей жизни в ближайший год не изменится. А дальше – дерзай, девочка. Уверен, у тебя все получится.

– Джейкоб, – доносится жалобно в спину, но я ухожу, не

оборачиваясь.

Эта история закончена.

Страница перевернута, а впереди...

Не знаю, что ждет впереди, но я больше не собираюсь себя сдерживать, как и свою интуицию, зовущую мчаться в неизвестность. Завожу двигатель и направляю автомобиль в загородную резиденцию. Прежде чем исчезнуть, нужно закончить кое-какие дела.

– Папа, привет, – Анила обнимает и целует в щеку, как только заходит в мой кабинет, где я ожидаю ее, развалившись в кресле.

– Привет, родная. Как самочувствие? – поднимаюсь навстречу и легко касаюсь небольшого животика.

Тепло, которое дарит будущий внук, наполняет сердце светом и чуть-чуть ослабляет непонятную боль, что последние месяцы гнетет душу.

– Все хорошо, – тут же реагирует рыжая красавица.

Анила очень похожая на свою мать, Мауки. Такая же добрая, светлая, чистая и открытая девочка. Каждый раз, когда гляжу на нее, вспоминаю свою любимую, ту, кто так недолго был моим всем: моей душой, моим сердцем, истинной половинкой меня.

Мауки погибла больше ста лет назад по вине жадных и беспринципных уродов, захотевших мирового господства, но успела сделать мне бесценный подарок. Умирая, она ро-

дила дочь, сокровище, о котором я узнал лишь через сорок с лишним лет.

Вот такая жестокая судьба – узнать о ребенке спустя долгие годы одиночества и темноты. Но зато, когда мы нашли друг друга, это стало новым витком. Я будто начал жить заново, вращаясь вокруг нового солнца в своей орбите – вокруг Анилы и ее приемной дочери Соланы. А потом и вокруг Сафиры – моей внучки, родившейся через восемнадцать лет с момента обретения дочери.

Теперь я готовлюсь повторно стать дедом. Я безумно счастлив за свою малышку, да именно так, пусть Анила уже давно сама мама, но для меня она всегда будет маленькой девочкой, которую надо ценить, любить и оберегать. Даже если с этим прекрасно справляется мой зять – Лин Фуров.

– А вот ты мне не нравишься, папуль, – дочка обхватывает мою ладонь и утягивает на диван, садится рядышком и смотрит внимательно в глаза. – Говори, что случилось?

Прямолинейна, как и я. Не сдерживаюсь и улыбаюсь. Красавица моя.

– Я хочу уехать, но прежде встретиться с богиней и обсудить передачу Кейдэну обязанностей контролера.

Впервые проговариваю вслух то, что уже сотни раз прокручивал в голове и обдумывал.

– Что? – Анила отклоняется и нервно бегаёт глазами по моему лицу, стараясь проникнуть в голову и найти причину такого поступка. – Зачем? Папа?

Цепляется тонкими пальчиками за мое запястье и слегка бледнеет.

– Эй, перестань думать глупости, я полностью здоров и умирать не собираюсь, – обрубая ее умчавшиеся в неправильном направлении размышления. – Не могу объяснить подробно, родная. Просто чувствую, что должен уйти. Срочно. Даже сейчас мне кажется, что я опаздываю. Душа не на месте.

– Я тебя... понимаю, – кивает моя разумная дочь и касается прохладной ладонью моей колючей щеки, – когда ты хочешь ехать?

– Завтра было бы прекрасно, но... Ани, это же так быстро не решается. Богиня, она...

– Думаю, папа, она всё знает, – теперь моя умница-дочь ведет себя более уверенно, чем я. – Не может не знать. Главное, в это верить.

Около шестидесяти лет назад мать-Луна, богиня и покровительница двуликих, воплотилась в Аниле, чтобы помочь нам очистить общество двуликих от тех, кто решил, что является выше закона и может безнаказанно уничтожать детей и девочек-омежек. И всё для того, чтобы стать бессмертным и всесильным.

Именно тогда мы с моим зятем поняли, что Ани – не простая оборотница, а одна из жемчужин-омег, являющихся посланницами воли нашей Луноликой прародительницы. И пусть с того времени Великая себя больше нам не являла,

уверен, что при необходимости это сделать могла вновь.

– Значит, ваше расставание с Маризой окончательное? – меняет тему дочь, откидываясь на спинку дивана и полностью расслабляясь.

Хитрые глазки горят огнем, а краешки губ дрожат, скрывая улыбку.

– А ты, смотрю, рада.

– Прости, пап, но... вы – не пара. Как бы Скино не старалась разыгрывать полную идиллию, всё – фальшь. Она хитрая и тщеславная, любит только себя. А я хочу, чтобы любили тебя, потому что ты – это ты, а не богатый крутой мужик со стальными... Ну ты понял, – тушуетя дочь, розовея щеками.

– Понял, – фыркаю, чтобы не засмеяться, и притягиваю роднуньку поближе к боку. – Уверен Сафира тоже будет счастлива. Вот уж кто Маризу терпеть не может и открыто это демонстрирует, так именно она.

– Твоя внучка тебя обожает, боготворит и ревнует, что ты хочешь? Девочка.

– Солана – тоже девочка, – напоминаю об очевидном. – Но более лояльна к другим.

– Да, согласна. И причина не только в возрасте, но и в характере. Она другая. Очень самостоятельная и ответственная, но в то же время сдержанная и не категоричная, как Сафира. Только ее жажда справедливости и стремление сделать мир лучше безумно напоминают твои поступки. Еще и

Жани в подругах.

– Тебе не нравится Жани? Чем плоха дочь Цефа и Сэйлы Вудовых? Я думал, ты дружишь с семьей беты твоего мужа.

– Нет, папуль. В том-то и дело, что Жани прекрасна. Она взяла от родителей лучшее. Упорство и самолюбие от матери, честность и порядочность от отца. Но вместе с Соланой – эти две девчонки, как гремучая смесь. Дай им волю, они разберут мир по кирпичикам, чтобы выловить всех преступников и негодяев, обижающих женщин. Понимаешь, я очень за них переживаю, как бы куда не ввязались.

– Не волнуйся. Твоя старшая дочь постоянно со мной на связи, – успокаиваю Анилу.

Мысленно же добавляю: у нас с Соланой уговор, если что не так – она без раздумий сразу звонит мне. Или Лину.

Кроме того, я точно знаю, что за девочками в закрытом академгородке ненавязчиво присматривают. Фуров с Вудовым позаботились об охране дочерей, а я незаметно проконтролировал.

Еще около часа общаюсь с Анилой, успокаивая и развеивая ее страхи, а потом приезжает Лин и забирает свою ненаглядную истинную.

– Па, ты же не пропадешь насовсем? – обняв меня на прощание и задрав голову, тихо уточняет дочь.

Смотрит так, будто уже знает, что произойдет дальше, и прощается, расставаясь не просто на день, а на более длительный период.

– Конечно, родная, мы еще увидимся, обещаю, – целую ее в лоб. – Лин, береги свои сокровища, – пожимаю руку зятю и ухожу в кабинет, где провожу всё время до того момента, как пойти отдыхать.

Не помню, как засыпаю. Но в какой-то период марево безвременья стекает, как туман, и я оказываюсь на лесной поляне, огороженной вековыми исполинами, подпирающими густыми кронами небосвод. Теплая летняя ночь. Полнолуние. Тишина.

Обостренные чувства оборотня позволяют все прекрасно видеть, слышать и чувствовать. Даже запахи не обходят стороной. Слева тянет успокаивающим ароматом от чуть поникших к ночи ромашек, справа влагой от высокой осоки. Меня же волнует молодая светловолосая девушка, бесшумно вышедшая из-за широкого ствола дуба.

Ее молочные без зрачков глаза пугают своей бездной и, не моргая, смотрят прямо в душу.

– Я отпущу тебя, Джейкоб, – произносит она мелодично.

Ни секунды не сомневаюсь в том, кто сейчас находится передо мной.

– Луноликая, – опускаю голову и прикладываю правую ладонь к сердцу, выражая почтение.

– Верно, – соглашается богиня и, шагнув еще ближе, опускает руку мне на грудь, в самый центр. – Ты поступаешь мудро, отказываясь от дара контролера в пользу Кейдэна. Силы мальчику понадобятся. Большие силы. И довольно скоро.

– Что? – совершенно забываю о том, что хотел говорить о себе и переключаюсь на преемника силы. На Кейдэна – истинного моей внучки Сафиры. – Детям угрожает опасность? Тогда я никуда не...

О том, что моя внучка стала половинкой души Кейдэна Граса, сына альфы Северного предела, я узнал, как только мальчишка появился на свет. Это было легко, контролеры ощущают появление на свет потенциальных приемников силы, дарованной матерью-Луной, а также видят их нити привязанностей. Истинность – самая крепкая нить, которая существует.

Что же касается силы богини – это великий дар, позволяющий не только властвовать над оборотнями, быть сильнее и могущественнее их, но огромная ответственность за сохранность нашего мира. Контролеров, таких, как я, тех, кого выбрала богиня, насчитывается всего четверо.

Мы призваны следить за балансом добра и зла среди двуликих, устойчивым равновесием отношений между оборотнями и людьми. Мы предотвращаем войны, катастрофы и прочие беды, но в конфликты вмешиваемся лишь если они грозят катаклизмами.

Мы не рождаемся с этой силой, а перенимаем ее от прежнего носителя в тот момент, когда он умирает или не может исполнять обязанности по другим причинам. И потом также отдаем следующему.

Так вот мой следующий – это Кейдэн. А унаследовал си-

лу я от отца, когда его вместе с мамой и младшей сестренкой расстреляли посреди бела дня перед рестораном. Но это сейчас неважно, потому что, если внучке или ее истинному угрожает опасность...

– Это уже не твоя забота, Джейкоб, – прерывает мои мысленные метания богиня. Она не повышает голос, но говорит так, что я моментально затихаю. Мощь, что плещется под призрачной оболочкой молодой девушки, слишком велика, чтобы ее не ощущать. – Дети сами разберутся. Это их путь. Твой же... ты правильно его почувствовал. И также ты прав в том, что стоит спешить. Это будет твое последнее задание, которое ты сделаешь для меня.

– Есть что-то конкретное, что я должен выполнить? – уточняю на всякий случай.

До этой минуты мы, контролеры, действовали всегда по наитию. Ощущая желания богини в душе, но не общаясь вот так напрямую. Сейчас же... я действительно теряюсь и чувствую себя юнцом, а не взрослым состоявшимся оборотнем.

– Сам поймешь, – следует размытый ответ. – Ах да, еще, как только проснешься, станешь обычным двуликим. Не контролером. Возможность считывать прошлое и демонстрировать его другим пропадет. Но сверхсила сохранится. Как был одним из сильнейших альф планеты, так и останешься. Это тебе пригодится, чтобы навести порядок в нужный момент.

– Хорошо, Луноликая. Я понял, – снова склоняю голову,

принимая волю Высшей.

– И, Джейкоб, – на практически не двигающихся губах богини появляется хитрая улыбка, – когда в следующий раз будешь общаться с дочерью, скажи ей, что я помню ее желание и выполню его.

Хмурюсь, не понимая, почему мать-Луна не может сказать Аниле это напрямую, но спорить не берусь, лишь киваю.

– Слушай свое сердце, мой преданный воин, оно не подведет, – на последних словах образ девушки истаивает, и я вновь проваливаюсь во тьму.

Глава 10

ЛИНА

Сколько нахожусь без сознания, сообразить сложно, но прихожу в себя одномоментно, рывком. А все потому, что тело не просто шепчет, оно криком кричит, что с ним не всё в порядке.

Пусть я была в стрессовом состоянии после потери Сямбея, но прекрасно помню всё вплоть до момента удара в висок. Остальное же легко могу себе представить и воссоздать по ощущениям.

Первое, что жутко пугает – непроницаемая темень. Ненормальная и удушающая. И сколько не стараюсь проморгаться, она никуда не исчезает, потому что это не отсутствие освещения, а мешок, который натянут мне на голову.

Второе, что также бесспорно гнетет – со мной явно не церемонились, когда закидывали в машину. Весь левый бок ощущаю, как один большой синяк, который побаливает, стоит произойти очередному толчку. А они происходят часто, потому что транспорт, на дно которого меня закинули, движется быстро и явно не притормаживая на поворотах. От этого мое тело время от времени мотыляет из стороны в сторону, а затылок прикладывается к чему-то острому и мокрому.

Я замерзла, что неудивительно. Валяться в тонком рас-

стегнутом пальто, платье и капроновых колготках на жестком металлическом полу автомобиля, от которого несет кислой ржавчиной и прелой сыростью осени, малоприятное удовольствие.

Немного меняю положение тела, чтобы перестать биться головой о непонятную штуку, и тут же замираю, услышав...

– О, кажись, очнулась, – раздается откуда-то сверху мужской голос, не скрывающий веселых ноток. – Быстро, однако.

– Хм, шустрая девка. Это радует, – присоединяется к нему второй, более густой и дребезжащий, – надеюсь, на охоте она будет такой же резвой. Надоело сопливое нытье безвольных куриц. Хочу настоящего веселья. Чтобы полный отрыв словить.

– О, она будет, я уверен, – веселится первый. – Верно я говорю, козочка? Порадуешь папочек?

Не знаю, чего от меня ждут, замираю и не шевелюсь. Непродолжительную тишину нарушает лишь тихий шорох чужой одежды да шум колес, а затем чья-то рука нагло задирает мне подол платья и ныряет между бедер, пытаюсь их растолкать и скользнуть дальше.

Дергаюсь, насколько позволяет положение, сжимаю колени вместе и кричу. Но, оказывается, делаю это лишь в мыслях. По факту выходит только вяло трепыхаться и мычать. Я не владею собственным телом.

Рот плотно заткнут какой-то грязной тряпкой, от которой царапает горло, печет губы и все сильнее накатывает рвот-

ный рефлекс. Руки же жестко стянуты пластиковой лентой за спиной. Кисти затекли и теперь отзываются ноющей болью, становящейся все сильнее от каждого нового движения.

Хохот обоих незнакомцев пугает до трясучки. Тело прошивает жуткий озноб. И не только потому, что я валяюсь в ногах каких-то мерзавцев, хотя каких именно – догадаться очень легко. А больше из-за собственной беспомощности. Сейчас со мной могут сделать всё, что угодно, а я не могу сопротивляться.

Паника накатывает волнами, грозя совсем отключить мозг, который и так находится в диком шоке. Но, к счастью, меня перестают трогать, а через несколько минут машина начинает притормаживать. Разговоры на время стихают, будто все чего-то ждут. Хлопок двери где-то спереди, чуть слышный скрип откатных ворот, очередной щелчок двери, и транспортное средство вновь трогается. По шелесту шин догадываюсь, что теперь мы двигаемся по гравию.

Отсчитываю секунды. Одна. Две. Пять. Примерно на восьмой машина тормозит полностью, и через мгновение холодный воздух врывается в салон, потому что те, кто сидел внутри рядом со мной, выходят наружу.

Понимаю, что в покое не оставят. Не для этого же похищали. Готовлюсь ко всему. Но теряюсь, когда чья-то огромная рука грубо хватает за плечо и легко выдергивает наружу.

Ноги от быстрой смены положения тела заплетаются, пытаюсь устоять и глупо не свалиться на землю, но меня под-

держивают, оставляя новые синяки, а после вообще хватают за шкуру, чтобы не спотыкалась.

– Шагай, шагай давай, зверушка, – раздается над ухом все тот же веселый голос из машины, пока меня тянут в непонятном направлении.

Чуть позже следует тычок в спину, и я лечу вперед. Ожидаю удара, но по всем ощущениям оказываюсь уже в других руках.

– Куда её? – раздается над головой новый голос, в котором явно прослеживаются заискивающие нотки.

– Давай пока в подвал, – а вот этот слишком спокойный и мягкий для обстановки баритон я знаю.

Сильвер Багз собственной персоной.

От шока и понимания, что все мои страхи стали явью, ноги снова подкашиваются, но жесткий захват незнакомца – исполнителя воли хозяина не дает упасть. Вишу, как кукла на веревочках, пока ошалевшее сердце рвется из груди, стараясь проломить грудную клетку и сбежать куда подальше.

Вот тебе раз. Выходит, смелая я была лишь на скамье присяжных заседателей, когда братья Багзы сидели за решеткой. Сейчас же мне страшно.

Очень страшно.

И есть причина. Пусть со мной еще ничего плохого не сделали, но я не питаю наивных иллюзий, знаю, что всё впереди. Меня похитили целенаправленно. И вряд ли теперь отпустят живой.

– И смотрите, чтобы она оттуда никуда не сиганула, – добавляет Багз.

Судя по всему, он отходит дальше, так как голос слышится уже в отдалении.

– Так просто не развязывать, пусть попробует сбежать, – подает «гениальную» идею тот, кто продолжает держать меня в захвате.

Оправданный судьей мерзавец молчит несколько секунд, будто всерьез размышляет над предложением, а потом отвечает все также безмерно спокойно:

– Можно, конечно, но недолго, а то так и до ампутации можем довести. К сожалению, безрукой эта птичка не сможет долго и качественно бегать, и нам с парнями будет скучно. Дичь же должна радовать.

Дичь. Слово бьет наотмашь, а сердце пропускает удар.

Оказывается, что до этой минуты страшно мне не было.

А теперь...

В подвале с лица наконец-то снимают мешок и, не дав хоть немного прийти в себя, толкают к стене, где валяется тонкий матрас, даже на вид пугающий своим ужасным состоянием. Ноги подкашиваются, и я падаю на него коленями, а в следующую минуту оковы с рук спадают.

– Лучше не дури, девка, копи силы на забег, – раздается в затылок «совет» охранника.

Не реагирую, да тому это и не требуется. Слышу, как он отходит. Шаги постепенно затихают, затем лязгает дверь, и

дважды звонко прокручивается ключ в личине.

Остаюсь одна. И первое что делаю, вытаскиваю изо рта мерзкую тряпку, отшвыриваю ее подальше и по инерции хватаю губами воздух, пытаюсь надышаться и не слишком зализывать на том, что он не особо свеж и чист. Получается не очень, но я стараюсь.

Сильно хочется пить, хотя бы просто смочить сухое горло, но такой роскоши мне никто не предлагает, потому плюхаюсь на зад и оглядываюсь кругом, чтобы хоть немного прийти в себя.

Окружающая обстановка лишь сильнее угнетает. Я нахожусь в прямоугольном помещении площадью метров двадцать с двумя небольшими окошками под потолком, забранными решетками. Над металлической дверью размещается единственная маленькая круглая лампочка, которая освещает ближайшие пару метров. Мебели нет. Но кроме моего матраса на противоположной стороне замечаю еще пару таких же ушербных лежаков. Из удобств – в дальнем углу ведро, от которого хочется разучиться дышать. Запах от него раздается такой, что в предназначении сомневаться не приходится. И на этом всё.

Сделать вывод, что до меня здесь удерживали точно такую же «дичь», а может даже сводную сестру, дело пяти секунд. Все это жутко подрывает боевой дух, но стараюсь не сдаваться. Размеренно дышу, осматриваюсь внимательнее, пытаюсь расслабиться и не трястись от сырой прохлады, изу-

чаю собственный непрезентабельный вид, усаживаюсь поудобнее, чтобы не давить на синяки и ссадины. Думаю обо всем и ни о чем одновременно.

Но в итоге не выдерживаю. Нервы сдают. Слезы прорываются не просто тихими беззвучными потоками, а так, как полагается, со всхлипами, подвыванием, заложенным носом и болью в голове.

Всё, что происходит в моей жизни последние месяцы вдруг обрушивается скопом, мелькает перед глазами как кадры киноплёнки, поставленной на ускорение. Приходит понимание, что это реально моя жизнь, а не сюжет какого-нибудь триллера на экране кинотеатра, который можно перестать смотреть.

Здесь не вырвешься. Не нажмешь стоп. Не выключишь.

Мне страшно.

Очень.

Кажется, впервые я смотрю на ситуацию своей сестры под другим углом, четче понимаю ее слабость и внутреннюю боль, разрушение и опустошение. Оказывается, я – совсем не смелая девчонка, которая готова воевать против кучи мужиков. Я боюсь. Дрожу и паникую. И не только потому, что смутно представляю, что со мной в скором времени сделают. Я боюсь сломаться заранее, потому что прекрасно помню рассказ Жданы и описываемые ею ужасы.

Я не хочу умирать, мечтаю спастись и выжить. Но так сильно боюсь издевательств и пыток, так до жути сильно их

боюсь, что в голову забредает дикая мысль, что лучше уж не выжить, лишь бы не мучиться.

Не знаю от чего трясет больше: от непомерно богатой фантазии или все же от холода. И зубы стучат, так, что начинает болеть челюсть. Я все вою и вою, не в силах успокоиться и не имея возможности даже вытереть нос и лицо.

А потом вдруг все эмоции вырубает. Я вспоминаю предсмертную записку Марко. Его веселый настрой, хотя он уже подозревал, что умрет. Его веру в меня и позитив. Его глаза, смотрящие на Джастину с интересом и влюбленностью.

И выдыхаю боль через стон. С силой разжимаю скрюченные пальцы, которыми обхватывала колени, пока раскачивалась туда-сюда, как маятник. Разминаю кулаки, восстанавливая кровообращение. Вытираю еще мокрое лицо. Как могу, привожу одежду в порядок... И даю себе мысленную установку – не сдаваться, но и не геройствовать. Быть сильной не для кого-то, а ради себя. Потому что все можно изменить, пока я жива, а вот потом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.